
И 178/1366
кой Сергїевой Лавры
БИБЛЮТЕКА.
Опись г.
ОТДѢЛЪ 10
№ 5705.

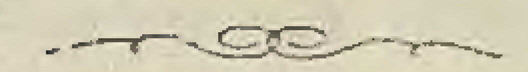
КУЛИКОВСКАЯ ПОБѢДА

ДИМИТРІЯ ИВАНОВИЧА

ДОНСКАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

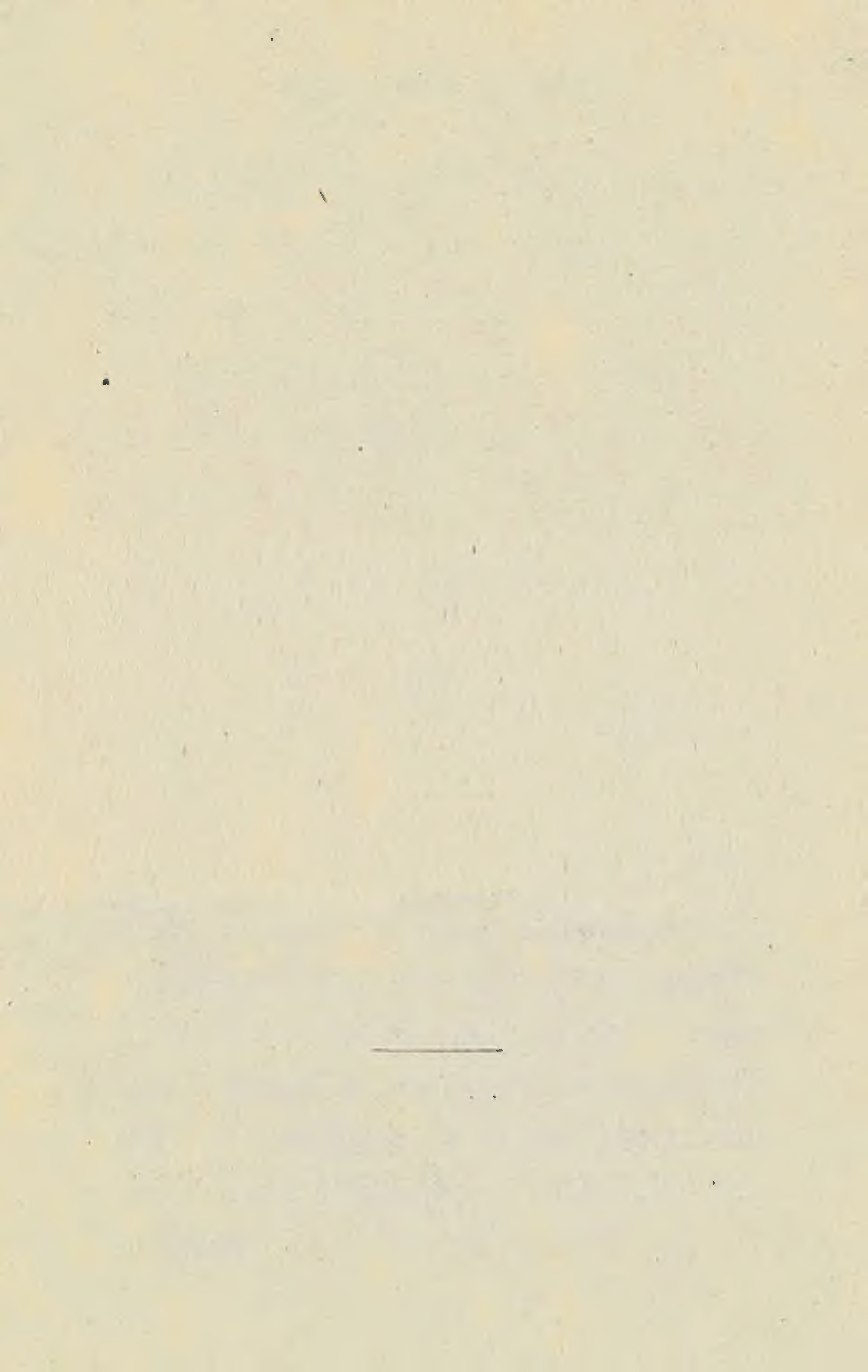
Д. ИЛОВАЙСКАГО.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°. Леонтьевскій пер. собст. д
1880.

Дозволено цензурой. Москва Августа 29 дня, 1880 г.

Куликовская битва была столько разъ расказана или описана и всѣмъ извѣстными русскими исторiографами, начиная съ Карамзина, и мало извѣстными писателями, что, казалась бы, нѣтъ особой нужды въ ея новомъ описанiи. Но съ одной стороны исполнившееся пятисотлѣтiе великаго событiя Русской исторической жизни, сильно оживляющее воспоминанiе о немъ, съ другой возможность всегда находить или неполноту и неясность, или нѣкоторую односторонность и тому подобныя несовершенства предшествующихъ описанiй—даютъ поводъ для появленiя все новыхъ и новыхъ трудовъ, хотя бы еще менѣе совершенныхъ. Въ томъ числѣ и авторъ настоящаго очерка предлагаетъ общественному вниманiю свой небольшой трудъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

—

Москва возвысилась надъ другими русскими областями помощью самихъ Золото-ордынскихъ хановъ, которыхъ начальные собиратели Руси великіе московскіе князья Иванъ Калита и сынъ его Симеонъ Гордый умѣли сдѣлать орудіями своей ловкой, предусмотрительной политики. Внукъ Калиты Димитрій Ивановичъ, оставшись отрокомъ послѣ отца, укрѣпилъ за собою великокняжескій Владимірскій столъ, руководимый умными московскими боярами, вѣрными слугами его отца Ивана и дяди Симеона Гордаго. Придя въ возрастъ, онъ началъ обнаруживать замѣчательную отвагу и рѣшительность, и, пользуясь собранными силами сѣверо-восточной Руси, смѣло вступилъ въ борьбу со всѣми соперниками и врагами Москвы, именно, съ Тверью и Рязанью, съ Новгородомъ и Литвою; очередь наконецъ дошла и до варварскихъ завоевателей Руси, до Татаръ.

Между тѣмъ какъ Московское княженіе ширилось и укрѣплялось, Кипчакская или Золотая Орда наоборотъ, достигнувъ высшаго могущества при ханѣ Узбекѣ (покровителѣ Ивана Калиты), послѣ него замѣтно начала приходить въ упадокъ, по причинѣ своихъ внутреннихъ смутъ и междоусобій за ханскій престолъ. Тогда же началось распаденіе Кипчакской орды на разныя и притомъ враждебныя-другъ другу владѣнія. Отъ нея постоянно отдѣлялись царства Татаръ Крымскихъ, Камско-болгарскихъ, Сибирскихъ, Яицкихъ и пр. Въ самой Сарайской или Волжской ордѣ во время малолѣтства Димитрія Ивановича явились два хана, Мурадъ и Абдулла. Послѣдній взялъ верхъ съ помощью своего ловкаго темника или воеводы Мамая. Этотъ Мамай потомъ пріобрѣлъ такую силу, что ставилъ и свергалъ хановъ по своему усмотрѣнію, и управлялъ Ордою отъ ихъ имени.

Такими неустройствами воспользовался Димитрій Московскій, что бы постепенно ослабить свою зависимость отъ хановъ. Борьбу съ Татарами онъ началъ не прямо съ Золотой Орды, въ отношеніи которой по наружности продолжалъ показывать себя покорнымъ данникомъ. Въ союзѣ съ своимъ тестемъ, княземъ Димитріемъ Нижегородскимъ, онъ нанесъ нѣсколько чувствительныхъ ударовъ сосѣднимъ татарскимъ владѣніямъ въ Камской Болгаріи, въ Мордовской землѣ и пр. Такимъ образомъ Русскіе постепенно пріучались бить и даже мѣстами подчинять себѣ своихъ прежнихъ властителей, Татаръ. Мамай понялъ, къ чему ведетъ Московская

политика, и захотѣлъ напомнить какъ Димитрію, такъ и другимъ русскимъ князьямъ всю силу Татарскаго господства. Онъ могъ теперь дѣйствовать тѣмъ рѣшительнѣе, что ему удалось возстановить внутреннее единство и спокойствіе въ Сарайской Ордѣ, которою онъ распоряжался неограниченно.

Лѣтомъ 1378 года Мамай послалъ два войска на Русь Сѣверовосточную. Одно направилось на Нижній Новгородъ, сожгло его, и разорило окрестную область. Другое, гораздо большее, подъ начальствомъ мурзы Бѣгича, двинулось на Москву. Но Димитрій предупредилъ враговъ, и недопустилъ ихъ ворваться въ свою землю. Онъ встрѣтилъ Татаръ въ Рязанской землѣ. Великій князь Рязанскій Олегъ около того времени помирился съ Димитріемъ и былъ его союзникомъ. 11 августа произошла рѣшительная битва съ Татарами на берегахъ Вожи, праваго притока Оки, неподалеку отъ Переяславля Рязанскаго (нынѣ губернскаго города Рязани). Димитрій лично начальствовалъ большимъ или главнымъ полкомъ; однимъ крыломъ предводительствовалъ князь Даніилъ Пронскій, другимъ московской воевода Тимоѳей Вельяминовъ. Татары перешли рѣку и первые сдѣлали нападеніе; но были разбиты на голову, и много ихъ перетонуло въ рѣкѣ во время бѣгства. Наступившая ночь прекратила преслѣдованіе; на слѣдующее утро Татаръ уже не было видно; они бѣжали въ степи, побросавъ свои кибитки и телѣги.

Это была первая большая побѣда, одержанная Русью надъ своими завоевателями. Это уже было

открытое и рѣшительное возстанiе великаго Московскаго князя противъ Золотой Орды. Можно представить себѣ ярость Мамая и золотоордынскихъ мурзъ, когда бѣглецы принесли имъ вѣсть о своемъ пораженiи. Прежде всего онъ спѣшилъ выместить свою досаду на Рязанской области. Собравъ остатки разбитой рати, онъ бросился на Рязань. Неожидая такого скораго возвращенiя Татаръ послѣ ихъ пораженiя, Олегъ Рязанскiй оказался неготовымъ къ оборонѣ, и удалился на лѣвую лѣсную сторону Оки. Татары пожгли Переяславль и нѣкоторые другiе города, разорили множество селъ, и увели большое количество плѣнниковъ.

Это внезапное нападенiе должно было послужить только предвѣстiемъ болѣе страшной бури, т.е. опустошенiя самого Московскаго княженiя. Но, испытавъ его могущество, Мамай рѣшилъ приготовить прежде большiя силы, чтобы напомнить Руси Батыево нашествiе.

Тѣмъ временемъ Димитрiй дѣйствовалъ уже съ другой стороны. Пользуясь смутами, наступившими въ Литвѣ по смерти стараго своего непрiятеля Ольгерда, онъ отвоевалъ у его сына и преемника Ягайла нѣкоторыя пограничныя русскiя области въ землѣ Чернигово-Сѣверской.

Итакъ Вожинская побѣда является началомъ или преддверiемъ гораздо болѣе великаго и славнаго событiя: побѣды Куликовской.

I.

Недобрыя вѣсти.

Неуспѣлъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своими боярами и дружиною отдохнуть отъ недавнихъ походовъ противъ Татаръ и Литвы, какъ лѣтомъ 1380 года въ Москву пришла грозная вѣсть: Мамай поднялся со всей своей ордой и идетъ на Русь. Недовольствуясь тѣмъ, что собралъ всю силу Татарскую и Половецкую, старый Ханъ нанялъ еще въ свою службу отряды закаспійскихъ мусульманъ, Аланъ, Черкесъ и крымскихъ Фряговъ (Генуэзцевъ). Мало того, онъ заключилъ союзъ съ недругомъ Москвы великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который обѣщалъ соединиться съ нимъ, чтобы вмѣстѣ разгромить Московскую землю. Вѣсти добавляли, что Мамай исполнился великой ярости противъ русскихъ князей за пораженіе татарскаго войска на рѣкѣ Вожѣ, что онъ хочетъ ихъ совершенно истребить, а вмѣсто нихъ посадить на Руси своихъ баскаковъ; грозитъ даже искоренить и самую православную вѣру, а намѣсто ея ввести свою бусурманскую (т. е. мусульманскую). Въ подтвержденіе этихъ вѣстей прискакалъ гонецъ отъ великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича. Сей послѣдній, бывшій передъ

тѣмъ временемъ въ единеніи и пріязни съ Московскимъ княземъ, извѣщалъ, что Мамай уже перешелъ на правую сторону Дона и прикочевалъ къ устью рѣки Воронежа, т. е. къ предѣламъ Рязанской земли.

Опечалился Димитрій Ивановичъ при видѣ такой черной тучи, надвигавшей на Русь, и прежде всего по обычаю благочестивыхъ Русскихъ князей, прибѣгъ къ молитвѣ и покаянію. А затѣмъ, ободрясь духомъ и нетеряя времени, послалъ гонцовъ во всѣ концы своей земли съ повелѣніемъ, что бы намѣстники его и воеводы спѣшили съ ратными людьми въ Москву. Разослалъ также грамоты къ подручнымъ себѣ и сосѣднимъ князьямъ русскимъ, убѣдительно прося ихъ какъ можно скорѣе идти къ нему на помощь съ своими дружинами: прежде же всѣхъ послалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Послѣдній незамедлилъ явиться на этотъ призывъ. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали собираться въ Москву ратные люди. Начали прибывать и подручные князья.

Межъ тѣмъ пріѣхали послы отъ самого Мамая, и потребовали у великаго князя того же выхода (дани), который Русь платила Ордѣ при ханѣ Узбекѣ, и той же покорности, какая была при старыхъ ханахъ. Димитрій собралъ на совѣтъ своихъ бояръ и подручныхъ князей. На совѣтѣ присутствовали и духовныя лица (Но митрополита небыло: сербъ Кипріанъ, занявшій русскую митрополію послѣ святителя Алексѣя, тогда пребывалъ въ Кіевѣ). Духовенство говорило, что подобаетъ утолить ярость Мамаеву великою данью и дарами, что бы не пролилась кровь христіанская и не были разрушены святые храмы отъ невѣрныхъ. Эти совѣты уважены: Великій князь одарилъ татарское посольство и отпустилъ его назадъ: а вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ хану со многими дарами и съ мирными договорами собствен-

наго посла Захарія Тютчева, которому даны были два толмача, умѣющихъ говорить потатарски.

Плохая однако была надежда умилостивить дарами злаго Татарина, и военныя приготовленія дѣятельно продолжались. По мѣрѣ того какъ увеличивалось собиравшееся въ Москву русское ополченіе, росло въ русскихъ людяхъ воинственное одушевленіе, росла охота помѣряться силами съ Татарскою ордою въ открытомъ полѣ и уничтожить въ конецъ ненавистное иго. Недавняя побѣда на Вожѣ была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Воспрянула древняя отвага въ русскомъ сердцѣ. воскресалъ духъ русской удали и молодечества, на время придавленный тяжелою судьбою. Вновь росло сознаніе русскаго народнаго единства и русской силы. Воинственное одушевленіе еще увеличивалось слухами о томъ, что злой Татаринъ-бусурманъ грозить и самой православной вѣрѣ.

Бодрость духа сказывалась также въ обычныхъ пирахъ и попойкахъ, которыми сопровождались сборы на войну. Великій князь и его бояре усердно угощали областныхъ князей и воеводъ, прибывавшихъ съ своими дружинами.

Былъ пиръ у боярина Николая Васильевича Вельяминова, который держалъ Коломенскую тысячу (т. е. былъ Коломенскимъ воеводою). На пиру въ числѣ другихъ князей присутствовалъ и Димитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Вдругъ прискакалъ гонецъ отъ Захарія Тютчева съ новыми недобрыми вѣстями. Тютчевъ, достигнувъ Рязанскихъ предѣловъ, узналъ, что Мамай неотложно идетъ на Московскую землю, и что къ нему присталъ нетолько Ягайло Литовскій, но и Олегъ Рязанскій. Послѣдній измѣнилъ Димитрію и теперь сносится грамотами съ ханомъ и съ Ягайломъ черезъ своего боярина Епифана Карѣева. Олегъ приглашаетъ Ягайла подѣлить между собою Московскія волости; онъ же увѣряетъ Мамая, что Димитрій не отва

измѣнити

жится выдти противъ Татаръ и убѣжитъ на сѣверъ въ самыя дальнія мѣста. Ханъ условился съ Ягайломъ и Олегомъ сойтись на берегахъ Оки на Семеновъ день, т. е. перваго сентября, что бы отсюда всѣмъ вмѣстѣ вступить въ Московскую землю.

Вѣсть объ измѣнѣ Олега Рязанскаго наполнила еще большею скорбію сердце великаго князя. Однако она нисколько не поколебала его рѣшимости и бодрости. На общемъ совѣтѣ положили ускорить приготовленія къ войнѣ, идти на встрѣчу Мамаю въ самыя степи, не дожидаясь его прихода въ Московскую землю, и, если можно, предупредить его соединеніе съ Ягайломъ и Олегомъ. Тѣмъ князьямъ и воеводамъ, которые не успѣли еще придти въ Москву или которымъ не подорогѣ было заходить въ нее, Димитрій послалъ гонцовъ съ грамотами, что бы шли прямо къ Коломнѣ; этотъ городъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ русскихъ ополченій. А между тѣмъ великій князь снарядилъ крѣпкую сторожу, т. е. конный развѣдочный отрядъ, подъ начальствомъ трехъ надежныхъ дружинниковъ: Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика. Они должны были ѣхать въ Придонскую степь на Быструю Сосну подъ самую Орду Мамаеву, что бы «добыть языка,» т. е. захватить плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы въ точности узнать о положеніи дѣлъ и намѣреніяхъ непріятеля.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ великій князь вѣстей отъ этихъ развѣдчиковъ; но время проходило; а отъ нихъ, какъ говорится, не было ни слуху, ни духу. Тогда Димитрій снарядилъ вторую сторожу подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока, и приказалъ имъ возвращаться какъ можно скорѣе. Дорогою эта вторая сторожа повстрѣчала Василія Тупика, который отряженъ былъ отъ первой сторожи напередъ съ добытымъ языкомъ, т. е. съ вѣстями. Развѣдчики пріѣхали въ Москву и донесли князю, что

Мамай несомнѣнно идетъ на Русь со всею своею Ордою, что великіе князья: Литовскій и Рязанскій дѣйствительно съ нимъ въ союзѣ, но что ханъ не спѣшитъ: съ одной стороны онъ поджидаетъ на помощь Ягайла съ Литвою, а съ другой ждетъ осени, когда на Руси поля будутъ убраны и Орда можетъ воспользоваться готовыми запасами Молва прибавляла, что, уже собираясь на Русь, ханъ разослалъ по своимъ улусамъ такой наказъ: „не пашите землю и незаботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы".

Димитрій Ивановичъ повелѣлъ областнымъ полкамъ спѣшить подъ Коломну къ 15 августа, т. е. къ Успеньеву дню. Но прежде нежели выступить въ дальній походъ, благочестивый вождь поѣхалъ взять благословеніе у святаго мужа.

II.

Святой игуменъ.

Въ шестидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Москвы, посреди глухихъ сосновыхъ и березовыхъ лѣсовъ, пріютилась иноческая обитель св. Троицы. Она въ тѣ времена еще не отличалась ни каменными, величественными строеніями, ни позлащенными главами богатыхъ храмовъ, ни многочисленною братіей; но уже была знаменита подвигами своего основателя и игумена Сергія Радонежскаго. Слава его суровой аскетической жизни и духовной прозорливости была уже такъ велика, что князья и бояре нерѣдко просили его молитвъ и благословенія; сами епископы и митрополиты (напр. св. Алексѣй) обращались къ нему за совѣтами и помощью.

Въ эту достославную обитель 18 августа пріѣхалъ Димитрій Ивановичъ Московскій, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ князей, бояръ и многихъ своихъ отроковъ или *дворянъ*, дабы, по выраженію лѣтописи, „живоначальной Троицѣ помолиться и у игумена Сергія благословиться". Надѣялся онъ конечно услышать отъ святаго мужа и какое либо пророческое слово.

Въ этотъ день церковь празднуетъ память свв. Фрола и Лавра. Отслушавъ обѣдню въ Троицкомъ храмѣ и

принявъ игуменское благословеніе, великій князь хотѣлъ ѣхать въ обратный путь, ибо время было дорого. Но преподобный упросилъ его остаться еще немного и вмѣстѣ съ своими спутниками раздѣлить скромную монастырскую трапезу.

Послѣ трапезы игуменъ сказалъ великому князю:

„Почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю; да, видѣвъ твое смиреніе, Господь Богъ вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложитъ“.

„Я уже сіе сотворилъ, отче — отвѣчалъ Димитрій.— Но онъ наипаче съ великою гордостію возносится“.

„Если такъ — молвилъ преподобный, — то его ждетъ конечное погубленіе и запустѣніе; а тебѣ отъ Господа Бога и пречистыя Богородицы и святыхъ его будетъ помощь, и милость, и слава“.

Изъ числа монастырской братіи выдавались два инока своимъ высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ и мужественнымъ лицомъ. Ихъ звали Пересвѣтъ и Ослябя; до поступленія въ монастырь они слыли богатырями, умѣли строить полки къ битвѣ и отличались ратными подвигами. Пересвѣтъ, въ міру носившій имя Александра, былъ знатнаго рода: онъ происходилъ изъ брянскихъ бояръ.

„Дай мнѣ сихъ двухъ воиновъ отъ твоего полку чернеческаго“—сказалъ великій князь Сергію.

Преподобный ничего не возразилъ, и велѣлъ обоимъ братьямъ немедля изготовиться къ ратному дѣлу. Послушные иноки съ охотою исполнили повелѣніе игумена, и тотчасъ облеклись въ оружіе. Сергій далъ еще каждому изъ нихъ схиму съ нашитымъ на нее крестомъ для того, что бы возлагать поверхъ шлемовъ.

„Миръ вамъ, братія моя возлюбленная о Христѣ. Пересвѣте и Ослябя, постраждите яко добліи воины Христовы; понеже пришло ваше время“.

И, обратясь къ Димитрію, прибавилъ: „вотъ тебѣ, княже, мои оружники, а твои извольники“.

Отпуская гостей, игуменъ осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ, окропилъ освященною водою, и вновь сказалъ пророческимъ голосомъ:

„Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ; онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя".

Преподобный Сергій, хотя и строгій, отрекшійся отъ міра подвижникъ, былъ однако пламенный русскій патріотъ. Онъ горячо любилъ родину, и никому не уступалъ въ ревности къ ея освобожденію отъ постыднаго ига.

Вѣщія слова преподобнаго наполнили радостію и надеждою сердце великаго князя. Возвратясь въ Москву, онъ не медлилъ долѣе своимъ выступленіемъ.

*

Если мы вернемся съ небольшимъ за полтораста лѣтъ назадъ, и припомнимъ сборы южно-русскихъ князей въ походъ противъ Татаръ, тогда еще невѣдомыхъ враговъ, только что появившихся на предѣлахъ Руси, то увидимъ великую разницу. Въ то время наши князья, Мстиславъ Удалой Галицкій, Мстиславъ Кіевскій и другіе, гордые своими славными предками и своими храбрыми дружинами, привыкшіе къ побѣдамъ Руси надъ степными варварами, отправлялись въ степи шумно и весело; соперничали другъ съ другомъ, и спорили о томъ, кто старше; а нѣкоторые думали, какъ бы напасть на врага прежде другихъ, чтобы нераздѣлять съ ними побѣды и добычи. Гордость и строптивость ихъ была наказана жестокимъ пораженіемъ на берегахъ рѣчки Калки.

Теперь не то.

Наученные горькимъ опытомъ и смиренные тяжкимъ игомъ, сѣверно-русскіе князья, собравшіеся вокругъ Димитрія Московскаго, покорно и единодушно идутъ за своимъ вождемъ: они понимаютъ, что въ

ихъ единеніи заключается главная сила Русской земли. Самъ великій князь приготовляется къ дѣлу обдуманно и осторожно; призываетъ часто на совѣтъ князей и бояръ, неоднократно посылаетъ развѣдывать о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля; а главное, предпринимаетъ все не иначе какъ съ молитвою и съ благословеніемъ Церкви.

———

III.

Походъ.

20 августа яснымъ утромъ Московская рать выступала въ походъ. Димитрій Ивановичъ съ князьями и воеводами сначала горячо молился въ соборномъ Успенскомъ храмѣ; припадалъ здѣсь ко гробу св. Петра митрополита, и просилъ его о помощи противъ враговъ. Заступавшій митрополита епископъ служилъ напутственный молебенъ; осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ, и окропилъ ихъ священною водою. Изъ Успенскаго собора Димитрій перешелъ въ ближній храмъ архангела Михаила, и тамъ поклонился гробамъ своего отца Ивана и своего знаменитаго дѣда, также Ивана, прозваннаго Калитою. Затѣмъ онъ простился съ супругою и дѣтьми (Василіемъ и Юріемъ), сѣлъ на своего любимаго коня и выѣхалъ изъ Кремля къ войску. Оно запрудило всѣ улицы и площади, прилегавшія къ Кремлю. Главная или отборная часть его выстроилась на Красной площади тыломъ къ Китайгороду, а лицомъ къ тремъ кремлевскимъ воротамъ, именно: Никольскимъ, Фроловскимъ (нынѣ Спасскимъ) и Константино-еленскимъ (ближніе къ Москвѣ-рѣкѣ). Посланные изъ Кремля священники и дьяконы съ хоругвями, иконами и освященною водою

обходили площадь, осѣняли крестами и кропили ратниковъ.

Полки представляли величественное зрѣлище. Воины и кони ихъ имѣли бодрый видъ; доспѣхи и оружіе ярко блистали на утреннемъ солнцѣ. Кольчатыя желѣзныя брони или стальные калантыри (панцырь изъ бляхъ), шлемы съ остроконечными верхушками (яловицами), продолговатые щиты, окрашенные въ любимый красный цвѣтъ, тугіе луки и колчаны со стрѣлами, острыя копья, частью кривыя булатныя сабли, частью прямые мечи— вотъ въ чемъ состояли доспѣхи и оружіе русскихъ воиновъ того времени. Надъ войскомъ во множествѣ развѣвались знамена на высокихъ древкахъ или такъ наз. „стяги"; а поднятые вверхъ копья имѣли подобіе цѣлаго лѣса. Наиболѣе нарядными, большею частію позолоченными, доспѣхами, и также яркими, сверху наброшенными плащами или приволоками отличались предводители русской рати, т. е. князья и воеводы. Изъ среды ихъ особенно выдавался самъ Димитрій Ивановичъ какъ своимъ великокняжескимъ облаченіемъ, такъ и мужественной, сановитою наружностію. Это былъ высокій, очень плотный, широкоплечій мужчина, темноволосый съ окладистою бородою и большими, умными глазами. Онъ находился еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья; ему было не болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Рядомъ съ нимъ выѣхалъ изъ Кремля его любимый двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ, который былъ еще моложе Димитрія. Вокругъ нихъ ѣхала свита изъ собравшихся въ Москву подручныхъ князей, каковы: Бѣлозерскіе Өедоръ Романовичъ и Семенъ Михайловичъ, Андрей Кемскій, Глѣбъ Каргопольскій и Кубенскій, удѣльные князья Ростовскіе, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, Левъ Курбскій, Андрей Муромскій, Юрій Мещерскій, Өедоръ Елецкій, и другіе.

Все Московское населеніе высыпало на проводы ополченія. Женщины голосили, разставаясь съ своими мужь

ями, братьями и родственниками. Великая княгиня Евдокія Дмитріевна съ супругою Владиміра Андреевича и другими княгинями и съ боярынями московскими у Кремлевскихъ воротъ дѣлали послѣдніе проводы отъѣзжающимъ. Въ слезахъ Евдокія не могла и слова вымолвить. Великій князь, смотря на нее, самъ едва не заплакалъ; однако удержался, что бы не подать примѣра слабости для воиновъ, и только кроткими словами утѣшалъ супругу.

Остановясь передъ ратію, онъ сказалъ громко окружающимъ его: „Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую, за святыя церкви и за землю Русскую!"

„Готовы сложить свои головы за вѣру Христову и за тебя, Государь великій князь" — отвѣчали голоса изъ толпы.

Затѣмъ ударили въ бубны, затрубили въ трубы, и войско двинулось въ походъ. Во избѣжаніе тѣсноты, рать раздѣлилась, и пошла на Коломну тремя дорогами. Одну ея часть съ Владиміромъ Андреевичемъ великій князь отпустилъ на Брашево (на Бронницы), другую съ Бѣлозерскими князьями послалъ Болванскою дорогою, а третью самъ повелъ на Котелъ. Евдокія, княгини и боярыни взошли на высокій великокняжескій теремъ, и оттуда долго еще сквозь слезы смотрѣли въ южные окна черезъ Москву-рѣку и Замоскворѣчье на удаляющееся ополченіе, которое безконечной змѣей растянулось по дорогамъ. За войскомъ слѣдовалъ длинный обозъ съ съѣстными запасами и всякой походной рухлядью. Кромѣ того воины, по обычаю русскихъ походовъ, сложили на телѣги болѣе тяжелыя части своего вооруженія, т.-е. брони, щиты и т. п. А князья и бояре имѣли при себѣ еще особые обозы и многочисленныхъ слугъ.

Семейство свое и городъ Москву великій князь на время отсутствія поручилъ воеводѣ Ѳедору Андреевичу Ко-

былину. Онъ взялъ съ собою въ походъ изъ Москвы десять гостей—Сурожанъ, т.-е. русскихъ купцовъ ѣздившихъ по торговымъ дѣламъ въ Кафу, Сурожъ (Судакъ) и другіе крымскіе города, а также посѣщавшихъ и самую Золотую Орду. Эти бывалые люди хорошо знали южные пути, пограничные города и селенія, степные зимовники и кочевья Татаръ, и могли служить войску какъ надежными проводниками, такъ и опытными людьми для закупки и отысканія продовольствія и всякихъ другихъ потребныхъ вещей (родъ провіантской артели). Надобно полагать, что сіи русскіе люди оправдали довѣріе великаго князя, и хорошо служили войску; такъ какъ лѣтописи сохранили намъ всѣ ихъ имена: Василій Капица, Сидоръ Ельѳерьевъ, Константинъ Волковъ, Козьма Коверя, Семенъ Кортоносъ, Михайло Самаревъ, Тимоѳей Весяковъ, Димитрій Черный, Дементій Сараевъ, Иванъ Шихъ.

*

24 августа великій князь достигъ города Коломны. Недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, на рѣчкѣ Северкѣ, при ея впаденіи въ Москву рѣку, встрѣтили великаго князя воеводы уже собравшихся здѣсь полковъ. Въ городскихъ воротахъ Димитрія ожидали коломенскій епископъ Герасимъ и священники съ крестами и иконами. На другой день послѣ заутрени происходилъ великокняжескій смотръ всему войску подъ Коломной на широкомъ лугу или такъ наз. Дѣвичьемъ полѣ; причемъ собственно Московская дружина съ великокняжескимъ знаменемъ стояла въ какомъ-то саду Памфиловѣ. При звукѣ воинскихъ трубъ и бубновъ Димитрій съ Владиміромъ Храбрымъ объѣзжалъ ряды войска, и сердце его радовалось, смотря на эту многочисленную, бодрую рать. Тутъ онъ раздѣлилъ все ополченіе на обычные четыре походные полка, и каждому назначилъ предводителей. Главный или великій полкъ онъ оставилъ

подъ личнымъ своимъ начальствомъ; въ свой полкъ помѣстилъ и удалыхъ князей Бѣлозерскихъ. Кромѣ собственной Московской дружины въ этомъ главномъ полку находились мѣстные воеводы начальствовавшіе слѣдующими дружинами: Коломенскою тысяцкій Николай Васильевичъ Вельяминовъ, Владимірскою князь Романъ Прозоровскій, Юрьевскою бояринъ Тимоѳей Валуевичъ, Костромскою Иванъ Родіоновичъ Квашня, Переяславскою Андрей Серкизовичъ. Полкъ правой руки великій князь поручилъ двоюродному брату Владиміру Андреевичу Серпуховскому, и придалъ ему князей Ярославскихъ; подъ Владиміромъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ, князья Ѳедоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій. Лѣвая рука ввѣрена князю Глѣбу Брянскому; а передовой полкъ двумъ князьямъ, Димитрію и Владиміру Всеволодовичамъ (Друцкимъ?).

Надобно полагать, что здѣсь великій князь окончательно убѣдился въ измѣнѣ Олега Рязанскаго, который до сей минуты хитрилъ и продолжалъ дружески сноситься съ Димитріемъ. Вѣроятно это обстоятельство и побудило сего послѣдняго вмѣсто того, чтобы перейти Оку подъ Коломной и вступить во внутренніе предѣлы Рязанской земли, уклониться нѣсколько къ западу, чтобъ ихъ миновать. Можетъ быть, принимая это направленіе, онъ также давалъ время присоединиться къ нему тѣмъ московскимъ отрядамъ, которые еще не успѣли собраться.)

На слѣдующее утро послѣ помянутаго смотра князья и бояре отстояли обѣдню въ соборномъ Коломенскомъ храмѣ, благословились у владыки Герасима, и выступили въ дальнѣйшій походъ лѣвымъ прибрежьемъ Оки. Достигнувъ устья рѣки Лопасны, войско остановилось. Тутъ присоединился къ нему воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ; онъ привелъ тѣхъ ратниковъ, которые собрались въ Москвѣ уже послѣ выступленія ве-

ликаго князя. Димитрій выслушалъ здѣсь новыя вѣсти о положеніи своихъ непріятелей, и повелѣлъ войску въ этомъ мѣстѣ перевозиться за Оку. Когда окончилась переправа, онъ вновь сдѣлалъ смотръ всему ополченію, и вновь велѣлъ его сосчитать. Лѣтописцы наши очевидно преувеличиваютъ число русскаго войска, говоря, что насчитали болѣе 200,000 ратниковъ. Мы будемъ ближе къ истинѣ, если, по нѣкоторымъ соображеніямъ предположимъ, что ихъ было не менѣе *ста* и не болѣе *полутораста* тысячъ. Во всякомъ случаѣ лѣтописцы совершенно вѣрно замѣчаютъ, что такой великой рати еще никогда не выставляла Русская земля. А между тѣмъ эта рать собрана была далеко не со всей Русской земли, но только во владѣніяхъ Московскаго великаго князя и подручныхъ ему мелкихъ удѣльныхъ князей Сѣверо-восточной Руси.

Ни одинъ изъ областныхъ князей того времени не принялъ участія въ столь славномъ предпріятіи, хотя Димитрій всюду посылалъ гонцовъ съ грамотами. Князья эти или боялись Татаръ, или завидовали Москвѣ и не желали помогать усиленію своего соперника. Не говоря уже объ Олегѣ Рязанскомъ, великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ также не пришелъ на помощь Москвитянамъ. Даже собственный тесть Московскаго князя Димитрій Константиновичъ Нижегородскій не только самъ не явился, но и совсѣмъ не прислалъ своихъ дружинъ зятю. Не явились также Смольняне и Новгородцы. А Черниговцы, Кіевляне и Волынцы въ то время находились уже подъ властію Литовскою.

Димитрій Ивановичъ однако не смущался безъучастіемъ другихъ областей. Онъ только жалѣлъ, что у него мало пѣшей рати, которая при скоромъ походѣ не могла всегда поспѣвать за конницею. Поэтому онъ оставилъ у Лопасны помянутаго воеводу Тимоѳея Васильевича Вельяминова, чтобы тотъ собралъ всѣ отставшіе или разсыпавшіеся отряды, и въ порядкѣ при-

велъ бы ихъ въ главную рать. По всѣмъ признакамъ, воевода успѣшно исполнилъ это порученіе.

Отъ Лопасны войско двинулось прямо къ верхнему Дону, направляясь вдоль западныхъ рязанскихъ предѣловъ или собственно по древней землѣ Вятичей. Великій князь строго наказалъ, чтобы ратники на походѣ не обижали жителей, не грабили и не убивали ихъ. Онъ очевидно избѣгалъ всякаго повода раздражать противъ себя Рязанцевъ, чтобъ они не вздумали враждебно дѣйствовать у него въ тылу. И дѣйствительно, благодаря разумнымъ распоряженіямъ вождей, весь этотъ переходъ совершился довольно скоро и благополучно. При томъ и самая погода благопріятствовала походу; хотя осень уже началась, но стояли ясные, теплые дни.

Во время этого похода Димитрій Ивановичъ получилъ еще неожиданную помощь. Къ нему приспѣли съ своими дружинами два брата Ольгердовича, Андрей Полоцкій, княжившій тогда во Псковѣ, и Димитрій Брянскій. Они приходились родными братьями Ягайлу, но только по отцѣ, а не по матери; послѣ отцовской смерти были имъ обижены при раздѣлѣ владѣній, удалились изъ Литвы, и, будучи православнаго исповѣданія, получили въ сѣверовосточной Руси нѣкоторые города на правахъ подручниковъ великаго князя Московскаго. Къ тому же они были свояками Владиміру Андреевичу Серпуховскому, женатому на ихъ сестрѣ, дочери Ольгерда Литовскаго. Димитрій обрадовался приходу двухъ Ольгердовичей въ особенности потому, что они славились своею воинскою опытностію, а также могли быть полезны на случай войны съ ихъ братомъ Ягайломъ.

Слѣдуя на всемъ этомъ походѣ правиламъ осторожности и предусмотрительности, великій князь постоянно собиралъ вѣсти о положеніи, силахъ и намѣреніяхъ своихъ непріятелей. Между прочимъ онъ отрядилъ впередъ расторопнаго боярина Семена Мелика съ отборной конницей; въ ея числѣ находились московскіе дворяне

Кренинъ, Тынинъ, Горскій, Чириковъ, Карпъ Александровичъ и другіе, извѣстные своимъ удальствомъ и смѣтливостью. Имъ дано порученіе ѣхать подъ самую татарскую сторожу, наблюдать за непріятелемъ и сообщать о немъ вѣрныя свѣденія. Очевидно развѣдочная часть (то что мы называемъ рекогносцировкой)—это необходимое условіе успѣха на войнѣ—составляла особую заботу главнаго предводителя Русской рати и его умныхъ совѣтниковъ.

IV.

Военный совѣтъ.—Примѣты.

Приблизясь къ Дону, Димитрій Ивановичъ остановилъ полки, и расположился на мѣстѣ, называвшемся Березой, гдѣ и подождалъ отставшую пѣшую рать. Тутъ явились къ нему дворяне Петръ Горскій и Карпъ Александровичъ, присланные бояриномъ Меликомъ съ добытымъ языкомъ, т. е. съ захваченнымъ въ плѣнъ татариномъ, который оказался изъ свиты самого Мамая. Подъ угрозой жестокой пытки начали допрашивать его, и узнали слѣдующее. Мамай стоитъ уже на Кузьминой гати; но подвигается впередъ медленно; ибо все ожидаетъ Олега Рязанскаго и Ягайла Литовскаго; о близости Димитрія Московскаго онъ пока не вѣдаетъ, полагаясь на грамоты Олега, который увѣрялъ его, что Московскій князь не отважится выйти на встрѣчу. Однако можно было полагать, что дня черезъ три Мамай перейдетъ на лѣвую сторону Дона.

Въ тоже время пришли вѣсти и съ другой стороны: Ягайло, шедшій съ литовскимъ войскомъ на соединеніе съ Мамаемъ, стоялъ уже на берегахъ рѣки Упы у Одоева. Только объ Олегѣ Рязанскомъ не имѣлось никакихъ положительныхъ свѣденій; неизвѣстно было, что онъ

намѣревался предпринять, и, даже, гдѣ онъ тогда находился. Москвитяне проклинали его какъ измѣнника и предателя Русской земли. Но послѣднее было не совсѣмъ справедливо. Рязанскій князь хлопоталъ главнымъ образомъ о собственной землѣ; старался избавить ее отъ новаго нашествія татарскихъ полчищъ; а потому изъявлялъ притворную преданность Мамаю и сносился съ Ягайломъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ подъ разными предлогами не шелъ къ нимъ на соединеніе, и не давалъ ни тому, ни другому вѣрныхъ извѣстій о походѣ Московскаго князя. Вѣроятно Олегъ и самъ не зналъ, къ какой сторонѣ окончательно пристать и на что рѣшиться въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но какъ бы то ни было, по нѣкоторымъ признакамъ, онъ именно способствовалъ тому, что Мамай медлилъ за Дономъ, а Ягайло потерялъ много времени у Одоева.

Димитрій Ивановичъ началъ совѣщаться съ князьями и воеводами:

Гдѣ давать битву?—спрашивалъ онъ—Дожидать ли Татаръ на сей сторонѣ Дона или перевозиться на ту сторону?

Мнѣнія раздѣлились. Нѣкоторые голоса склонялись къ тому, чтобы не переходить рѣку и не оставлять у себя въ тылу Литву и Рязанцевъ; въ случаѣ неудачи легче будетъ отступить и уйти въ свою землю. Но другіе были противнаго мнѣнія, въ томъ числѣ и братья Ольгердовичи, которые съ особою убѣдительностію настаивали на немедленной переправѣ за Донъ.

„Если останемся здѣсь—разсуждали они,—то дадимъ мѣсто малодушію. А если перевеземся на ту сторону Дона, то крѣпкій духъ будетъ въ воинствѣ твоемъ. Зная, что отступить и бѣжать некуда, что остается только побѣдить или лечь костьми, воины будутъ сражаться мужественно. А что языки (вѣсти) страшатъ насъ несмѣтною Татарскою силою, то не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ.“ Приводили также Димитрію извѣстные по лѣтописямъ примѣры его славныхъ предковъ: такъ

Ярославъ, переправясь за Днѣпръ, побѣдилъ окаяннаго Святополка; Александръ Невскій, перейдя рѣку, поразилъ Шведовъ. Напоминали и необходимость предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ.

Великій князь рѣшительно принялъ мнѣніе Ольгердовичей, и поощрялъ болѣе осторожныхъ воеводъ такими словами:

„Любезные друзья и братья. Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить; честная смерть лучше плохаго живота. Лучше было бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ Татаръ, нежели, пришедъ и ничто же сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ, и тамъ или побѣдимъ и все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за братью нашу христіанъ.“

На рѣшимость Димитрія не мало подѣйствовала и полученная передъ тѣмъ грамота отъ игумена Сергія. Посылаемые отъ великаго князя на Москву гонцы извѣщали его супругу, духовенство и оставшихся бояръ о походѣ русской рати. Преподобный игуменъ справлялся о ней съ горячимъ участіемъ, и прислалъ великому князю грамоту, въ которой вновь благословлялъ его на подвигъ, побуждалъ биться съ Татарами, и обѣщалъ побѣду. „Чтобы еси, господине, таки пошелъ—писалъ онъ.—А поможетъ ти Богъ и пречистая Богородица“. Съ грамотою Сергій прислалъ Димитрію и освященный хлѣбецъ или просфору.

7 сентября, въ пятницу, наканунѣ праздника Рождества Богородицы русское войско придвинулось къ самому Дону. Великій князь велѣлъ нарубить деревъ и хворосту въ сосѣднихъ дубравахъ и наводить мосты для пѣхоты, а для конницы искать бродовъ; что не представляло большихъ трудностей, такъ какъ Донъ въ тѣхъ мѣстахъ

еще близокъ къ своимъ верховьямъ, и не отличается ни шириною, ни глубиною своего теченія.

Распоряженія эти оказались вполнѣ благоразумны, и болѣе нельзя было терять ни одной минуты. Къ великому князю прискакалъ со своей сторожей Семенъ Меликъ, и доложилъ, что онъ уже бился съ передовыми татарскими наѣздниками, и что они гнались за нимъ до большой русской рати; что самъ Мамай уже на Гусиномъ броду; онъ теперь знаетъ о приходѣ Димитрія, и спѣшитъ къ Дону, чтобы загородить Русскимъ переправу до прибытія Ягайла. О послѣднемъ также получилось извѣстіе, что онъ уже двинулся отъ Одоева на встрѣчу Мамаю.

„Сіи на колесницахъ и на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ"—повторялъ Димитрій изъ псалма Давидова, ободряя окружавшихъ его воиновъ.

Къ ночи русская рать успѣла переправиться за Донъ, и расположилась на лѣсистыхъ холмахъ при впаденіи въ него рѣки Непрядвы. За этими холмами лежало широкое десятиверстное поле, называвшееся *Куликовымъ*; посреди его протекала рѣчка Смолка, къ верховьямъ которой съ обѣихъ сторонъ шли отлогіе спуски. За этой то рѣчкой, на противуположныхъ возвышеніяхъ разбила свой станъ орда Мамая, который пришелъ сюда въ тоже время, но уже къ ночи, и такимъ образомъ не успѣлъ помѣшать русской переправѣ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ поля, на такъ называемомъ Красномъ холмѣ, поставленъ былъ шатеръ самаго хана; а около него располагались ставки его ближнихъ воеводъ или темниковъ. Окрестности Куликова поля представляли пересѣченную, овражистую мѣстность, были покрыты кустарникомъ и рощами, а отчасти дебрями, т. е. лѣсными зарослями на влажныхъ мѣстахъ.

■

Въ числѣ главныхъ воеводъ у Димитрія Ивановича находился нѣкто Димитрій Боброкъ, волынскій бояринъ.

Въ тѣ времена Москва привлекала къ себѣ большое количество выходцевъ изъ другихъ русскихъ земель. Многіе бояре и дружинники, тяготясь жить въ областяхъ, слишкомъ угнетаемыхъ Татарами, или не желая оставаться въ краяхъ покоренныхъ Литвою, уходили съ родины въ Москву, уже славную между русскими землями, поступали на службу къ великому князю Московскому, и получали отъ него помѣстья и жалованье. Особенно приходили многіе бояре и дворяне изъ Сѣверской и Черниговской земли, а также изъ земли Волынской. Это были люди большею частію предпріимчивые, опытные и усердные. Къ такимъ то выходцамъ принадлежалъ и Димитрій Боброкъ. (Св. Петръ митрополитъ былъ также родомъ съ Волыни, а св. Алексій митрополитъ происходилъ изъ Черниговскихъ бояръ). Боброкъ уже успѣлъ отличиться нѣсколькими побѣдами, предводительствуя полками великаго князя Московскаго въ его войнахъ съ сосѣдями, и вообще слылъ человѣкомъ очень искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, даже знахаремъ. Онъ умѣлъ гадать по разнымъ знаменіямъ, и вызвался показать великому князю примѣты, по которымъ можно узнать судьбу предстоявшаго сраженія.

Ночь была теплая и тихая,

Великій князь и Димитрій Боброкъ сѣли на коней, выѣхали на Куликово поле, стали между обѣихъ ратей, и, обратясь лицемъ къ Татарамъ, начали прислушиваться. До нихъ доносились великій кличъ и стукъ, какъ будто происходило шумное торжище или городъ строили и въ трубы звучали. Позади татарскаго стана слышалось завываніе волковъ; на лѣвой сторонѣ, носясь въ воздухѣ, клектали орлы и граяли вороны; а на правой сторонѣ, надъ рѣкою Непрядвою, вились стаи гусей, лебедей и утокъ, и трепетно плескали крыльями, какъ бы передъ страшною бурею.

„Что слышалъ еси, господине княже?“ — спросилъ Волынецъ.

„Слышалъ, брате, страхъ и грозу велію“—отвѣчалъ Димитрій.

„Обратись, княже, на полки русскіе“.

Димитрій повернулъ коня. На русской сторонѣ была тишина великая.

„Что, господине, слышишь?“—переспросилъ Боброкъ.

„Ничего не слышу—замѣтилъ великій князь;—только видѣлъ я будто зарево исходящее отъ многихъ огней“.

„Господине княже, благодари Бога, пречистую Богородицу, великаго чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ—молвилъ Боброкъ:—огни суть доброе знаменіе. Призывай Господа Бога на помощь и не оскудѣвай вѣрою“.

„Есть у меня еще примѣта“—сказалъ онъ;—сошелъ съ коня, и припалъ къ землѣ правымъ ухомъ. Долго прислушивался онъ; потомъ всталъ, и понурилъ голову.

„Что же, брате, повѣдай мнѣ, какова примѣта?“—спросилъ Димитрій.

Воевода не отвѣчалъ ни слова, и былъ печаленъ, даже заплакалъ. Слезы эти смутили великаго князя, и онъ усильно просилъ расказать примѣту. Боброкъ наконецъ заговорилъ:

„Господине княже, скажу тебѣ единому; ты же никому не повѣдай. То двѣ примѣты: одна тебѣ на велію радость, а другая на велію скорбь. Слышалъ я землю горько и страшно плачущую надвое: на одной сторонѣ будто женщина кричитъ татарскимъ голосомъ о чадахъ своихъ, и бьется, проливая токи слезъ; а на другой сторонѣ будто дѣвица плачетъ и вопитъ свирѣльнымъ голосомъ въ великой скорьби и печали. Много я тѣхъ примѣтъ испыталъ и во многихъ битвахъ бывалъ. Уповай на милость Божію: ты одолѣешь поганыхъ Татаръ; но воинства твоего христіанскаго падетъ многое множество“.

Димитрій въ свою очередь прослезился при этихъ словахъ, и сказалъ: „Да будетъ воля Господня“. Онъ

обѣщалъ никому не говорить о знаменіяхъ, чтобы не смутить сердца воиновъ.

Дѣйствительно, въ эту ночь волки страшно выли, и было ихъ такое множество, какъ будто сбѣжались со всей вселенной. Всю ночь также слышались граяніе вороновъ и клектанье орловъ. Хищные звѣри и птицы какъ бы чуяли близкое кровопролитіе и запахъ многочисленныхъ труповъ.

V.

Куликовская битва.

Утро 8 сентября было очень туманно: густая мгла мѣшала видѣть движеніе полковъ; только на обѣихъ сторонахъ поля раздавался звукъ воинскихъ трубъ. Но часу въ 9-мъ туманъ началъ разсѣяваться, и солнце освѣтило русскіе полки, строившіеся въ боевой порядокъ. Полки эти уже выдвинулись впередъ, и заняли такое положеніе, что правымъ бокомъ они упирались въ овраги и дебри рѣчки Нижняго Дубика, впадающей въ Непрядву, а лѣвымъ въ крутоярье Смолки, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ сѣверный заворотъ. На правомъ крылѣ Димитрій поставилъ братьевъ Ольгердовичей, а князей Бѣлозерскихъ помѣстилъ на лѣвомъ. Пѣхота большею частію была выставлена въ передовой полкъ. Этимъ полкомъ по прежнему начальствовали братья Всеволодовичи; къ нему же присоединились бояринъ Николай Васильевичъ Вельяминовъ съ Коломенцами и Семенъ Меликъ съ своимъ сторожевымъ отрядомъ. Въ большемъ или середнемъ полку подъ самимъ великимъ княземъ воеводствовали Глѣбъ Брянскій и великій московскій бояринъ Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ. Кромѣ того Димитрій отрядилъ еще запасный или засадный полкъ (что теперь назы-

вается главный „резервъ"), который поручилъ брату Владиміру Андреевичу и помянутому волынскому боярину Димитрію Михайловичу Боброку. Этотъ конный полкъ сталъ въ засаду за лѣвымъ крыломъ въ густой дубравѣ надъ рѣкою Смолкою, такъ что онъ былъ совершенно скрытъ отъ взоровъ непріятеля. Выборъ мѣста для этого полку обнаруживалъ весьма проницательный воинскій взглядъ. Онъ былъ помѣщенъ такимъ образомъ, что могъ легко подкрѣпить сражающихся, а кромѣ того прикрывалъ обозы и сообщеніе съ мостами наведенными на Дону, т. е. единственный путѣ отступленія въ случаѣ неудачи.

Устроивъ полки, великій князь на своемъ борзомъ конѣ объѣзжалъ ряды воиновъ, и говорилъ имъ: „Возлюбленные отцы и братія, Господа ради и пречистыя Богородицы и своего ради спасенія подвизайтеся за православную вѣру и за братію нашу". Бодрость и мужество свѣтились на лицахъ русскихъ ратниковъ; воинственные клики слышались въ отвѣтъ на этотъ призывъ.

На челѣ великаго или главнаго полку стояла собственная дружина великаго князя и развѣвалось его большое черное знамя съ вышитымъ на немъ ликомъ Спасителя. Димитрій сошелъ съ богатоубраннаго коня, снялъ съ себя златотканый плащъ или великокняжую приволоку; возложилъ ее на любимца своего боярина Михаила Андреевича Бренка, посадилъ его на своего коня, и велѣлъ носить передъ нимъ большое черное знамя. А самъ покрылся сверхъ брони простымъ плащемъ и пересѣлъ на другаго коня. Онъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ заключенною въ немъ частицею Животворящаго древа, приложился къ нему, вкусилъ освященную просфору игумна Сергія, и, творя молитву, поѣхалъ въ сторожевой полкъ, чтобы впереди его собственноручно ударить на враговъ.

Тщетно князья и воеводы удерживали его.

„Тебѣ подобаетъ стоять особо отъ битвы — говорили они,—и смотрѣть на сражающихся, а потомъ честить и

жаловать оставшихся въ живыхъ и творить память по убіеннымъ. Если же тебя, Государя, лишимся, то уподобимся стаду овецъ безъ пастыря; придутъ волки и распугаютъ насъ“.

„Братія моя милая, — отвѣчалъ Димитрій — добрые ваши рѣчи и похвалы достойныя. Но если я вамъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду, вмѣстѣ съ вами“.

Часовъ въ одиннадцать утра съ противоположныхъ холмовъ двинулась татарская рать на встрѣчу русской. Оба воинства стали спускаться къ лощинѣ, откуда брала свое начало рѣчка Смолка, т. е. къ серединѣ Куликова поля. Страшно было смотрѣть на эти двѣ грозныя силы, шедшія другъ на друга. Видъ ихъ былъ неодинаковъ. Русское воинство отличалось червлеными щитами и свѣтлыми доспѣхами, сіявшими на солнцѣ; а татарское отъ своихъ темныхъ щитовъ и сѣрыхъ кафтановъ издали походило на черную тучу. Передняя татарская рать въ средней своей части также какъ и русская состояла изъ пѣхоты (вѣроятно наемной или союзнической). Она двигалась густою колонною; при чемъ задніе ряды клали свои копья на плеча переднихъ; у послѣднихъ онѣ были короче, а у заднихъ длиннѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, обѣ рати вдругъ остановились. Тутъ съ татарской стороны выѣхалъ воинъ огромнаго роста, подобный древнему Голіафу, чтобы по обычаю тѣхъ временъ начать битву единоборствомъ и своимъ примѣромъ поощрить войско. Онъ былъ изъ знатныхъ людей, и назывался Темиръ-Мурза.

Увидѣлъ его инокъ Пересвѣтъ, вмѣстѣ съ Ослябемъ шедшій также въ передовомъ полку, и сказалъ воеводамъ: „сей человѣкъ себѣ подобнаго ищетъ; я хочу съ нимъ видѣться“. „Отцы и братія, — воскликнулъ онъ, — простите меня грѣшнаго; брате Ослябе, моли за меня Бога! Преподобный отецъ игуменъ Сергій помоги мнѣ молитвою своею“. И затѣмъ съ копьемъ въ рукѣ поска-

калъ на врага, имѣя на шлемѣ Сергіеву схиму съ крестомъ. Завидѣвъ его, Татаринъ, понесся ему на встрѣчу. Противники ударили другъ на друга съ такою силою, что кони ихъ упали на колѣна; а сами они мертвыми поверглись на землю.

Тогда обѣ рати ринулись въ битву, Русскіе, призывая на помощь Господа и Богородицу, а Татары Аллаха и Магомета. Димитрій показалъ примѣръ мужества и воинской отваги. Онъ перемѣнилъ нѣсколько коней, сражаясь въ передовомъ полку; когда же обѣ передовыя рати смѣшались, отъѣхалъ къ великому полку. Но дошелъ чередъ до сего послѣдняго, и онъ опять принялъ личное участіе въ битвѣ. А противникъ его ханъ Мамай съ своими ближними темниками и тѣлохранителями наблюдалъ сраженіе съ вершины Краснаго холма.

Скоро мѣсто, гдѣ сошлись обѣ рати сдѣлалось до того тѣснымъ, что ратники задыхались въ густой свалкѣ. Разступиться въ сторону было некуда; съ обоихъ боковъ препятствовало тому свойство мѣстности. Такой страшной битвы никто изъ Русскихъ и не помнилъ. По выраженію нашихъ лѣтописей, „копья ломались какъ солома, стрѣлы падали дождемъ, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молніями, а люди падали какъ трава подъ косою, кровь лилась какъ вода и текла ручьями“. Битва была по преимуществу рукопашная, слѣдовательно самая кровопролитная. Въ тѣснотѣ воины схватывали противника лѣвою рукою, а правою рубили его или кололи. Многіе умирали подъ конскими копытами. Но и кони едва могли двигаться отъ множества труповъ, которыми въ самое короткое время покрылось поле битвы. Полки смѣшались другъ съ другомъ: въ одномъ мѣстѣ одолѣвали Татары, въ другомъ Русскіе. Ржаніе и топотъ коней, клики сражавшихся, трескъ оружія и стоны раненныхъ производили такой шумъ, что воеводы передней рати тщетно пытались водворять порядокъ; никто

ихъ не слышалъ; да и сами они большею частію скоро пали геройскою смертію.

Пѣшая русская рать уже полегла костьми. Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертью многихъ русскихъ вождей, Татары разстроили наши передніе полки, и стали теперь напирать на главную рать, т. е. на полки Московскій, Владимірскій и Суздальскій. Тутъ нѣкоторые молодые, неопытные Москвичи подались назадъ и произвели замѣшательство, такъ что толпа Татаръ прорвалась къ большому знамени, подрубила у него древко и убила бояриna Бренка, принявъ его за великаго князя. Но Глѣбъ Брянскій, Тимоѳей Васильевичъ и другіе воеводы успѣли возстановить порядокъ и опять сомкнуть большой полкъ. Между тѣмъ на правой рукѣ Андрей Ольгердовичъ одолѣвалъ Татаръ; но онъ не дерзалъ гнаться за непріятелемъ, чтобы не отдаляться отъ большаго полку, который не подвигался впередъ. На послѣдній навалило сильное Татарское полчище, и пыталось его прорвать, но тщетно; хотя и тутъ многіе воеводы, старавшіеся служить примѣромъ для воиновъ, уже были убиты.

Мы видѣли, что Димитрій и его опытные помощники, знакомые съ татарскою тактикой и очевидно хорошо освѣдомленные о мѣстности, поставили полки такимъ образомъ, что Татары не могли ихъ охватить ни съ какой стороны. Слѣдовательно имъ оставалось только одно: гдѣ либо прорвать русскій строй и тогда уже ударить ему въ тылъ. Видя неудачу въ центрѣ, они съ особою яростью устремились на лѣвое наше крыло, куда ихъ начальники и направили свои подкрѣпленія. Здѣсь нѣкоторое время кипѣлъ самый ожесточенный бой. Наконецъ, когда начальствовавшіе лѣвымъ полкомъ князья Бѣлозерскіе всѣ пали смертью героевъ, этотъ полкъ замѣшался и сталъ все болѣе и болѣе подаваться назадъ подъ напоромъ враговъ. Теперь большому полку угрожала опасность быть обойденнымъ съ боку и съ тыла;

все Русское войско такимъ образомъ было бы отрѣзано отъ Донскаго пути, приперто къ Непрядвѣ и подверглось бы истребленію. Недаромъ Татары устремили главныя свои усилія на лѣвое наше крыло, а не на правое. Ихъ воеводы конечно знали, въ какой сторонѣ находилось самое чувствительное мѣсто Русскаго войска. Уже раздавались неистовое гиканье и побѣдные клики Татаръ. Но тутъ то и сказалась замѣчательная предусмотрительность въ приготовленіи и расположеніи нашего засаднаго полка.

Уже давно князь Владиміръ Андреевичъ и воевода Димитрій Волынецъ изъ своей засады съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за битвою, съ помощью нѣсколькихъ воиновъ взобравшихся на деревья. Сердце горѣло у молодаго князя, и онъ рвался въ бой, особенно когда видѣлъ, что Татары въ какомъ либо мѣстѣ начинали одолѣвать Русскихъ. Нетерпѣніе его раздѣляли и многіе другіе пылкіе юноши. Но опытный воевода сдерживалъ ихъ пылкость.

„Какая польза отъ нашего стоянія? Кому мы будемъ помогать послѣ, когда уже будетъ поздно“?—наконецъ стали ворчать болѣе нетерпѣливые, особенно при извѣстіи, что Татары начали тѣснить наше лѣвое крыло.

„Подождите еще немного, несносныя вы Русскія дѣти—бранилъ ихъ Боброкъ.—Будетъ еще вамъ съ кѣмъ тѣшиться, пить и веселиться“.

Жестокая битва длилась уже часа два, и дѣйствительно требовалось большое терпѣніе смотрѣть на нее и оставаться въ бездѣйствіи, не летѣть на помощь своимъ. Доселѣ Татарамъ помогало еще то обстоятельство, что солнечный свѣтъ ударялъ Русскимъ прямо въ очи, и вѣтеръ дулъ имъ въ лицо. Но вотъ мало по малу солнце зашло сбоку, а вѣтеръ вдругъ потянулъ въ другую сторону. Въ тоже время уходившее въ безпоряд-

кѣ лѣвое русское крыло и гнавшая его татарская рать поравнялись съ той самой дубровой, гдѣ стоялъ засадный полкъ.

„Теперь и нашъ часъ приспѣлъ!—воскликнулъ Волынецъ Боброкъ—Дерзайте братія и други. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“!

„Какъ соколы на журавлиное стадо“, такъ устремилась русская засадная дружина на Татаръ, и ударила имъ въ бокъ и въ тылъ. Это неожиданное нападеніе свѣжаго войска сильно смутило враговъ, утомленныхъ долгою битвою и потерявшихъ свой воинскій строй. Они скоро были совершенно разбиты и разсѣяны.

Межъ тѣмъ Димитрій Ольгердовичъ, предусмотрительно помѣщенный съ своимъ отрядомъ за большимъ полкомъ (т. е. въ резервѣ), поспѣшилъ закрыть его бокъ, открывшійся съ отступленіемъ лѣваго крыла, и такимъ образомъ главная татарская сила, продолжавшая напирать на большой русскій полкъ, неуспѣла его разстроить. Теперь же, когда значительная часть непріятельскаго войска была разсѣяна, и засадная дружина подоспѣла на помощь главной рати, послѣдняя двинулась впередъ. Русская стойкость и здѣсь взяла верхъ. Татары, горячо нападавшіе въ началѣ боя, успѣли уже утомиться: а пораженіе ихъ праваго крыла и появленіе свѣжаго русскаго полка окончательно лишили ихъ бодрости. Главная ихъ рать дрогнула, и стала отходить назадъ.

На спускѣ Краснаго Холма, подкрѣпленные послѣдними ханскими силами, Татары около своихъ таборовъ пріостановились и вновь вступили въ бой. Но не надолго. Русскіе неудержимо ломили впередъ и охватывали враговъ со всѣхъ сторонъ. Все татарское полчище обратилось наконецъ въ дикое бѣгство. Самъ Мамай и его ближніе мурзы на свѣжихъ, быстрыхъ коняхъ поскакали въ степь, оставивъ свой станъ со множествомъ всякаго добра въ добычу побѣдителямъ.

Русскіе конные отряды, посланые въ погоню за Та-

тарами, гнали и били ихъ до самой рѣки Мечи, слѣдовательно на разстояніи приблизительно сорока верстъ; причемъ захватили множество верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ имуществомъ, а также цѣлыя стада рогатаго и мелкаго скота; въ этихъ стадахъ, какъ извѣстно, заключалось главное богатство кочеваго Татарскаго народа.

VI.

Побѣдители.—Благочестивыя легенды.

«Но гдѣ же великій князь? Гдѣ первоначальникъ нашей славы?»—спрашивали другъ друга оставшіеся въ живыхъ князья и воеводы.

Особенно безпокоился братъ и другъ Димитрія Владиміръ Андреевичъ. Онъ «сталъ на костяхъ», т. е. на полѣ битвы, подъ большимъ черным знаменемъ, и велѣлъ трубить сборъ. Когда воинство сошлось около него, Владиміръ началъ распрашивать, кто послѣдній видѣлъ великаго князя. Нѣкоторые говорили, что видѣли его сильно раненаго и что вѣроятно онъ лежитъ гдѣ-нибудь между трупами; кто то сообщилъ, что встрѣтилъ его крѣпко оборонявшагося отъ четырехъ татаръ и уходившаго отъ нихъ. Князь Стефанъ Новосильскій расказывалъ, какъ видѣлъ Димитрія пѣшаго и отъ ранъ едва идущаго съ побоища, но не могъ помочь ему, потому что самъ въ это время отбивался отъ трехъ татаръ. Всѣ эти разсказы не объясняли главнаго: куда же дѣвался великій князь? Тогда Владиміръ Андреевичъ во всѣ стороны разослалъ дружинниковъ искать его, и обѣщалъ большую награду тому, кто найдетъ его живаго.

Воины разсыпались по Куликову полю, и начали прилежно осматривать лежавшие повсюду кучи труповъ. Нѣкоторые увидали на убитомъ великокняжую приволоку, и думали, что нашли Димитрія; но это оказался бояринъ Бренкъ; другіе за великаго князя приняли было Ѳедора Семеновича Бѣлозерскаго, который былъ похожъ на него; третьи нашли павшаго коня и нѣсколькихъ слугъ Димитрія; но самаго его не было видно. Наконецъ два костромича, по имени Ѳедоръ Сабуръ и Григорій Хлопищевъ, уклонясь нѣсколько на правую сторону поля, къ какой-то дубравѣ усмотрѣли великаго князя лежащаго подъ вѣтвями вновь срубленнаго дерева; они соскочили съ коней, подошли къ нему, и убѣдились, что онъ живъ. Хлопищевъ остался при немъ, а Сабуровъ поскакалъ съ радостною вѣстію къ Владиміру Андреевичу. Всѣ князья и бояре поспѣшили на указанное мѣсто, сошли съ коней и поклонились до земли великому князю.

„Братъ мой милый, великій княже Димитрій Ивановичъ, Слава Господу Богу нашему Іисусу Христу и пречистой Его Матери! Молитвами и помощью угодниковъ Божіихъ мы побѣдили своихъ супостатовъ!"

„Кто глаголетъ сія?"—проговорилъ Димитрій, открывая глаза.

„Это я, братъ твой Владиміръ; возвѣщаю тебѣ, что Богъ явилъ тебѣ милость, даровавъ побѣду надъ врагами".

Обрадованный Димитрій съ трудомъ всталъ на ноги, и то при помощи другихъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены; когда ихъ сняли, то не нашли у великаго князя никакой смертельной раны, ибо крѣпкіе доспѣхи защитили его отъ остреяя мечей и копій. Но тѣло его было покрыто язвами и ушибами. Имѣя въ виду значительную тучность Димитрія, мы поймемъ, до какой степени онъ былъ утружденъ продолжительною битвою, и какъ былъ оглушенъ ударами, большая часть которыхъ

пришлась по головѣ, плечамъ и животу, особенно когда онъ лишился коня и пѣшій отбивался отъ враговъ. Надобно еще удивляться тому, что онъ, будучи отрѣзанъ отъ своихъ, имѣлъ довольно силы добраться до срубленнаго дерева, прежде нежели упалъ безъ чувствъ подъ его вѣтвями. Отвага Димитрія Ивановича и желаніе его лично начать битву съ врагами, подобно удалымъ древнерусскимъ князьямъ, которые обыкновенно бились на челѣ своихъ дружинъ — эта отвага едва не стоила ему жизни, и едва не обратила радость отъ побѣды въ скорбь и печаль. А если отсутствіе великаго князя въ послѣднія критическія минуты боя не помѣшало нашей побѣдѣ, то этимъ Русь была обязана, во-первыхъ, тому же Димитрію Ивановичу, который своими умными мѣрами и распоряженіями, особенно устройствомъ засаднаго полка, приготовилъ торжество русскаго оружія. Во-вторыхъ, побѣда досталась намъ потому, что большая часть русскихъ воиновъ, отъ князей и бояръ до простыхъ ратниковъ, свято исполнила свой долгъ, и не только поддержала древнюю славу русскаго имени, но и грядущимъ поколѣніямъ оставила высокій примѣръ доблести и любви къ родинѣ.

Наступала уже ночь. Димитрія Ивановича посадили на коня, и отвезли въ его шатеръ. Владиміръ Андреевичъ приказалъ весело трубить въ трубы, что бы все воинство узнало и возрадовалось о сохраненіи великаго князя.

Слѣдующій день былъ воскресный. Димитрій прежде всего помолился Богу и возблагодарилъ его за побѣду; потомъ выѣхалъ къ воинству, хвалилъ его подвиги и обѣщалъ каждаго наградить по заслугамъ. Затѣмъ съ князьями и боярами онъ началъ объѣзжать Куликово поле и осматривать побоище. Печально и ужасно было зрѣлище поля, покрытаго кучами труповъ и лужами запекшейся крови. Христіане и Татары лежали смѣшавшись другъ съ другомъ. Димитрій безъ слезъ не могъ смотрѣть на павшихъ своихъ воиновъ. Особенно плакалъ онъ, когда

наѣзжалъ на трупы княжескіе и боярскіе. Князья Бѣлозерскіе, Ѳедоръ Романовичъ, сынъ его Иванъ и племянникъ Семенъ Михайловичъ, лежали вкупѣ съ нѣкоторыми своими родичами и многими дружинниками; видно было, какъ крѣпко стояли они другъ за друга и какъ всѣ пали героями. Считая съ Бѣлозерскими, вообще пало до пятнадцати русскихъ князей и княжатъ, въ томъ числѣ два брата князья Тарусскіе и Димитрій Монастыревъ.

Проливалъ слезы великій князь надъ трупами своего любимца Михаила Андреевича Бренка и большихъ своихъ бояръ Микулы Васильевича и Тимоѳея Васильевича Вельяминовыхъ. Въ числѣ убитыхъ находились также: Семенъ Меликъ, Валуй Окатьевичъ, Иванъ и Михаилъ Акинфовичи, Андрей Серкизовъ, Андрей Шуба, Иванъ Александровичъ, Левъ Морозовъ, Тарасъ Шатневъ, Димитрій Мининъ и многіе другіе бояре и дворяне великаго князя.

Проѣзжая мимо тѣлъ Пересвѣта и его противника татарскаго богатыря, великій князь сказалъ окружающимъ:

„Видите, братія, начальника битвы; онъ побѣдилъ подобнаго себѣ, отъ котораго многимъ пришлось бы пить чашу смертную.“

Инокъ Ослябя также былъ въ числѣ павшихъ.

Смотря на великое множество убитыхъ христіанъ и еще большее количество Татаръ, Димитрій Ивановичъ, обратился къ Волынцу Боброку съ словами:

„Брате Димитрій, воистину разумливъ еси, и неложна примѣта твоя! Подобаетъ тебѣ всегда быти воеводою“.

Великій князь велѣлъ воинамъ отдѣлять по возможности христіанскія тѣла отъ татарскихъ, и первыхъ предавать землѣ священникамъ съ обычными молитвами. Восемь дней оставался онъ еще близъ мѣста битвы, давая время войску погребсти своихъ братій, отдохнуть и придти въ порядокъ. Между прочимъ онъ приказалъ сосчитать число оставшейся рати. Сосчитали, и нашли

на лицо только сорокъ тысячъ человѣкъ; слѣдовательно гораздо болѣе половины выступившей въ походъ рати пришлось на долю убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и малодушныхъ, покинувшихъ свои знамена.

Межъ тѣмъ Ягайло Литовскій 8 сентября только на одинъ день пути находился отъ мѣста битвы. Когда же до него достигла вѣсть о побѣдѣ Димитрія Ивановича Московскаго, то онъ пошелъ назадъ такъ поспѣшно, какъ будто за нимъ кто нибудь гнался, хотя Димитрій и недумалъ его преслѣдовать. Тутъ только Ягайло догадался, что позволилъ себя обмануть своему мнимому другу Олегу Рязанскому, который сообщалъ ему невѣрныя свѣденія о Димитріѣ Московскомъ. „Никогда Литва не была учима отъ Рязани—говорилъ Ягайло;—зачѣмъ же я нынѣ впалъ въ такое безуміе“!

*

При извѣстной набожности Димитрія Ивановича Московскаго и горячемъ участіи въ его предпріятіи противъ Мамая со стороны такихъ пастырей Русской церкви какъ Сергій Радонежскій, естественно, сказанія о Куликовской побѣдѣ тогда же были украшены разными благочестивыми легендами о видѣніяхъ и чудесахъ. Въ особенности эта побѣда приписывалась невидимой помощи древнихъ князей мучениковъ, Бориса и Глѣба, святыхъ заступниковъ Русскаго княжескаго дома и всей Русской земли.

Повторилось сказаніе, подобное тому, которымъ украсилась побѣда Александра Невскаго надъ Шведами. А именно:

Въ русскомъ войскѣ находился нѣкто Ѳома Хаберцевъ. Онъ прежде былъ знаменитымъ разбойникомъ; но потомъ покаялся и захотѣлъ очистить свою совѣсть, сражаясь съ врагами отечества и Христовой вѣры. Какъ

мужа храбраго и опытнаго великій князь наканунѣ битвы поставилъ его въ одномъ мѣстѣ держать сторожу отъ Татаръ. Во время этой сторожи, ночью привидѣлось ему будто отъ востока, какъ бы какая туча, несется по воздуху великое воинство. Но вдругъ съ полуденной стороны явились два свѣтлые юноши съ мечами въ рукахъ, и начали поражать воинство, говоря: „Кто вамъ велѣлъ губить отечество наше?"

Покровителемъ и заступникомъ собственно Московскаго княженія въ тѣ времена стали почитать св. Петра митрополита, который впервые утвердилъ митрополичій престолъ въ Москвѣ и мощи котораго покоились въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Ему также приписывали невидимое участіе въ Куликовской побѣдѣ.

Вотъ разсказъ, сложившійся на подобіе ветхозавѣтной повѣсти о потопленіи Фараонова войска;

Въ ту же ночь, передъ битвою, гость—сурожанинъ Василій Капица и какой-то Семенъ Антоновъ имѣли видѣніе, будто со стороны поля идетъ страшное еѳіопское полчище, одни на колесницахъ, другіе на коняхъ. Но внезапно явился святой Петръ, митрополитъ Русскій, имѣя въ рукѣ золотой жезлъ. «Зачѣмъ пришли погублять мое стадо; которое Богъ даровалъ мнѣ на соблюденіе»?—грозно воскликнулъ святитель. И началъ такъ избивать враговъ своимъ жезломъ, что одни пали на землю, другіе потонули въ водѣ, третьи убѣжали.

Преданіе прибавляетъ, что объ этихъ видѣніяхъ тотчасъ донесли великому князю. Онъ запретилъ пока разсказывать о нихъ; самъ же со слезами сталъ молить о помощи Бога и пречистую Богородицу, а также мучениковъ Бориса и Глѣба и чудотворца Петра.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ видѣній тѣ же преданія повѣствуютъ далѣе:

Когда Владиміръ Андреевичъ, приведши въ чувство великаго князя, расказывалъ ему о побѣдѣ, то сообщилъ ему, что множество Татаръ найдено убитыми за

рѣкою Непрядвою, куда Русское войско и незаходило во время битвы и что они истреблены конечно невидимою силою по заступленію свв. Бориса и Глѣба и Петра митрополита.

А когда великій князь со всѣмъ оставшимся воинствомъ при погребеніи христіанъ провозгласилъ вѣчную память убіеннымъ, и говорилъ, что они наслѣдовали нетлѣнные мученическіе вѣнцы отъ Христа Бога, тогда выступилъ нѣкто изъ полку Владиміра Андреевича, и сказалъ:

«Господине княже, истинно твое слово, что они нетлѣнными вѣнцами отъ Христа Бога увѣнчались. Когда стоялъ я въ дубравѣ въ засадномъ полку, плакалъ, смотря на православныхъ, избиваемыхъ отъ Татаръ, и молился Господу Богу, Его пречистой Матери и чудотворцу Петру, то внезапно, какъ бы придя въ изступленіе, увидѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ, сходящихъ на избіенныхъ христіанъ.»

Наконецъ, по словамъ тѣхъ же преданій, нѣкоторые вѣрующіе люди во время битвы видѣли и Георгія Побѣдоносца, и Димитрія Солунскаго, и вождя небесныхъ силъ архангела Михаила, и цѣлые полки ангеловъ, поражавшихъ невѣрное воинство пламенными стрѣлами.

Вообще это было въ обычаѣ древняго русскаго благочестія: знаменитыя побѣды своего оружія приписывать явной небесной помощи. Но ни одна русская побѣда не украсилась столькими знаменіями и видѣніями, какъ Куликовская.

VII.

Заключеніе.

Наконецъ войско изготовилось къ походу. Надъ великими братскими могилами православныхъ воиновъ священники отслужили молебенъ и провозгласили имъ вѣчную память. Русская рать переправилась на лѣвый берегъ Дона, и выступила въ обратный походъ. Обозъ ея увеличился множествомъ захваченныхъ у Татаръ кибитокъ, нагруженныхъ одеждами, оружіемъ и всякимъ добромъ; за войскомъ гнали отбитые табуны и стада коней, верблюдовъ, буйволовъ, барановъ. Кромѣ того Русскіе везли на родину многихъ тяжко раненныхъ; увозили съ собою также тѣла знатныхъ воиновъ въ колодахъ, которыя состояли изъ распиленнаго вдоль отрубка съ выдолбленною серединою. Въ числѣ этихъ воиновъ находились иноки Пересвѣтъ и Ослябя.

Проходя опять вдоль западныхъ Рязанскихъ предѣловъ, великій князь вновь запретилъ войску обижать и грабить жителей. Но, кажется, на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ враждебныхъ столкновеній съ Рязанцами со стороны отдѣльныхъ московскихъ отрядовъ.

Когда Димитрій, оставивъ позади главное войско съ легкой конницей прибылъ въ Коломну (21 сентября),

то у городскихъ воротъ его встрѣтилъ тотъ же епископъ Герасимъ и духовенство со крестами и иконами; проводилъ въ соборную церковь и совершилъ литургію съ благодарственнымъ молебномъ. Побывъ въ Коломнѣ дня четыре и неуспѣвъ еще отдохнуть отъ своего великаго утомленія, великій князь поспѣшилъ въ свой стольный городъ.

Гонцы, отправленные тотчасъ послѣ Куликовой битвы въ главные города Московскаго княженія, уже давно извѣстили жителей о славной побѣдѣ, и настало народное ликованіе. 28 сентября Димитрій съ братомъ Владиміромъ торжественно вступилъ въ Москву. Его встрѣчали радостная супруга съ дѣтьми, множество народа, духовенства со крестами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Литургія и благодарный молебенъ были совершены въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Такіе же молебны пѣлись по всему городу, молились о здравіи великаго князя, всѣхъ князей и всего христолюбиваго воинства. Затѣмъ Димитрій раздавалъ многія милостыни по церквамъ и монастырямъ, одѣлялъ убогихъ и нищихъ, а въ особенности вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убіенныхъ воиновъ. Ратники, собранные изъ областей и уцѣлѣвшіе отъ побоища, недоходя до Москвы уже были распущены по своимъ домамъ.

Изъ Москвы, великій князь съ боярами вскорѣ отправился въ монастырь Троицы, чтобъ и тамъ возблагодарить Бога и принять благословеніе у игумена Сергія.

„Отче, твоими святыми молитвами я побѣдилъ невѣрныхъ, говорилъ Димитрій: — твой послушникъ инокъ Пересвѣтъ убилъ богатыря Татарскаго. По Божьимъ попущеніемъ за многие грѣхи наши, избито великое множество воинства христіанскаго; отслужи отче, обѣдню и пой панихиду по всѣмъ избіеннымъ".

Послѣ панихиды великій князь щедро одарилъ монастырь и братію. Онъ переночевалъ у Троицы и на другой день воротился въ Москву.

Тѣла иноковъ Пересвѣта и Ослябя были погребены подъ Москвою въ Рождественской церкви Симонова монастыря, основателемъ и первымъ игумномъ котораго былъ родной племянникъ и постриженникъ Сергія Радонежскаго Θеодоръ, въ то время духовникъ великаго князя Димитрія.

Тогда же были основаны многіе храмы въ честь Рождества Богородицы; такъ какъ побѣда совершилась въ день этого праздника. Кромѣ того, Русская церковь установила ежегодно праздновать память по убіеннымъ на Куликовомъ полѣ въ такъ называемую субботу Димитровскую; ибо 8 сентября 1380 года пришлось въ субботу.

Московскій народъ радовался великой побѣдѣ, и прославлялъ Димитрія съ братомъ его Владиміромъ, давъ первому прозваніе *Донскаго*, а второму *Храбраго*. Русскіе надѣялись, что Орда повержена во прахъ и ярмо Татарское сброшено навсегда. Но этой надеждѣ не было суждено сбыться такъ скоро.

Мамай, несмотря на свое великое пораженіе, успѣлъ собрать въ Ордѣ новыя силы, и, злобствуя на великаго князя Московскаго, намѣренъ былъ отомстить ему внезапнымъ набѣгомъ на его землю. Но соперникомъ Мамаю въ Ордѣ явился другой ханъ, по имени Тохтамышъ. Собранныя противъ Димитрія силы Мамай долженъ былъ обратить на Тохтамыша. Счастье и тутъ ему измѣнило: на Калкѣ, у Азовскаго моря, онъ былъ разбитъ соперникомъ. Царевичи и темники Ордынскіе покинули побѣжденнаго хана и передались Тохтамышу. Тогда Мамай, спасаясь отъ погони, съ немногими людьми бѣжалъ въ таврическій городъ Каθу или Θеодосію къ своимъ прежнимъ союзникамъ Генуэзцамъ; но жители Каθы вѣроломно его убили, что бы воспользоваться оставшимися у него сокровищами.

Спустя два года послѣ Куликовской битвы, воцарив-

шійся въ Сараѣ ханъ Тохтамышъ сдѣлалъ то, къ чему готовился низложенный имъ Мамай: онъ совершилъ большой набѣгъ на Московское княженіе, и столь внезапно, что засталъ Димитрія неприготовленнымъ. Великій князь удалился въ сѣверные города, что бы собрать войско; а въ его отсутствіе Тохтамышъ обманомъ ворвался въ столицу, и ограбилъ ее. Но онъ поспѣшилъ уйти, когда узналъ о собиравшейся противъ него Русской рати и когда значительный татарскій отрядъ былъ разбитъ Владиміромъ Андреевичемъ: Татары уже боялись встрѣчи въ открытомъ полѣ. Однако, что бы избавить свое княженіе отъ подобныхъ набѣговъ, Димитрій согласился снова платить дань ханамъ Золотой Орды.

Очевидно чрезвычайное напряженіе, сдѣланное сѣверною Русью для борьбы съ Мамаемъ и понесенная ею большая потеря въ людяхъ, сильно ее истощили. Послѣ Куликовскаго похода Русь нуждалась въ отдыхѣ; притомъ порядокъ собиранія и вооруженія ратныхъ силъ требовалъ много времени; такъ какъ постояннаго или регулярнаго войска на Руси тогда не существовало. Далѣе, между сѣверными князьями при Тохтамышевомъ нашествіи не замѣтно того единодушія и той ревности, какія они обнаружили въ войнѣ съ Мамаемъ (конечно тому способствовали также неожиданность и неприготовленность). Наконецъ и самъ Димитрій во время помянутаго нашествія повидимому дѣйствуетъ уже не съ тою рѣшительностью и энергіей, съ какою онъ дѣйствовалъ два года тому назадъ. Ясно, что труды похода и усердное участіе въ Куликовскомъ побоищѣ, т. е. понесенные имъ раны и тяжкіе ушибы, надломили его силы и здоровье, и, безъ сомнѣнія, сдѣлали его недолговѣчнымъ. Послѣ этого побоища онъ прожилъ только девять лѣтъ, и скончался, недостигнувъ сорокалѣтняго возраста.

Тѣмъ не менѣе Куликовская побѣда имѣетъ великое значеніе въ исторіи Русскаго народа. Она произвела рѣшительный переломъ въ отношеніяхъ Руси къ ея ди-

кимъ завоевателямъ. Со времени Батыева погрома Русь впервые почувствовала свою силу, ободрилась, и поняла, что окончательное сверженіе ига недалеко. Русскій народъ наглядно убѣдился въ томъ, что его главная сила должна заключаться въ соединеніи его разрозненныхъ частей, и неудержимо потянулъ къ собирательницѣ Русской земли и побѣдительницѣ Татаръ, т. е. къ Москвѣ. А великіе князья Московскіе, въ лицѣ Димитрія Ивановича, покрылись такимъ ореоломъ славы, который совершенно затмилъ областныхъ великихъ князей, такъ что всякое соперничество со стороны послѣднихъ съ Москвою сдѣлались послѣ того невозможнымъ. На Москву устремились взоры со всѣхъ концовъ Русской земли; отъ Москвы народъ сталъ ожидать защиты противъ всѣхъ своихъ сильныхъ враговъ. Татары въ свою очередь также почувствовали, что послѣ Куликовской битвы они уже не страшны Русскимъ, что Москва сдѣлалась очень сильна; а потому ханы если и прибѣгаютъ къ оружію, то стараются болѣе дѣйствовать внезапными набѣгами, нежели открытою войною, для того что бы получать дани съ русскихъ князей, и притомъ далеко не прежнія дани, а гораздо уменьшенныя. Оставалась, такъ сказать, одна тѣнь Татарскаго ига. Спустя ровно сто лѣтъ, правнукъ Димитрія Донскаго Иванъ III уничтожилъ и самую тѣнь. А внукъ Ивана III Иванъ Грозный покорилъ три татарскія царства, Казанское, Астраханское и Сибирское. Изъ властителей Татары сдѣлались подвластными Руси. Начало такому обороту положено было на Куликовомъ полѣ.

Однимъ словомъ нравственныя послѣдствія Куликовской побѣды были огромныя. Ея великое значеніе выразилось и въ томъ, что сказанія о ней сдѣлались любимѣйшимъ предметомъ народныхъ воспоминаній и чтенія грамотныхъ русскихъ людей. Ни одна битва древней Россіи не пользовалась въ потомствѣ такою громкою извѣстностію, какъ Куликовская.

———

ПРИМѢЧАНИЯ и ОБЪЯСНЕНІЯ.

Источникомъ для изображенія даннаго событія служатъ главнымъ образомъ Русскіе лѣтописные своды. Именно: *Новогородскій* (такъ наз. Четвертая Нов. лѣтопись. Пол. Соб. Р. Л. Т. IV. Тоже и въ первой Новогородской, но очень кратко). *Софійскій* (прибавленія къ Первой Софійской лѣтописи. П. С. Р. Л. Т. VI.). *Воскресенскій* (П. С. Р. Л. Т. VIII). Въ этихъ трехъ сводахъ повѣствованіе о «Побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ» представляетъ одну и туже редакцію, и разнится очень немногими, незначительными варіантами. Далѣе, *Никоновскій* сводъ. Онъ заключаетъ наиболѣе подробное и обстоятельное изложеніе изъ всѣхъ сказаній о Куликовскомъ походѣ. Между прочимъ тутъ передаются: путешествія Димитрія къ Сергію Радонежскому, гаданіе на Куликовомъ полѣ, благочестивыя видѣнія, единоборство Пересвѣта, дѣйствіе засаднаго полка, нахожденіе Димитрія подъ срубленнымъ деревомъ, обратный походъ и встрѣчи. Этихъ эпизодовъ совсѣмъ нѣтъ въ предъидущихъ сводахъ.

Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго, изданное Снегиревымъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. III. 1838 г. По своему содержанію и подробностямъ оно очень близко къ разсказу Никоновской лѣтописи; отличается же отъ нея главнымъ обра-

зомъ по языку, который иногда переходитъ въ піитическій складъ и отзывается нѣкоторымъ подражаніемъ Слову о Полку Игоревѣ. Это сказаніе сохранилось во многихъ спискахъ, которые заключаютъ много варіантовъ, а также разнствуютъ между собою нѣкоторыми вставками и пропусками. Судя по одному изъ списковъ, сочинителемъ его считался какой-то Софоній Рязанецъ (вѣроятно выходецъ изъ Рязанской области въ Москву). Нѣкоторые анахронизмы, например Ольгердъ поставленный вмѣсто Ягайла, или явныя прибавки, напримѣръ участіе Новгородцевъ въ Куликовской битвѣ, ясно указываютъ на позднѣйшія передѣлки и неточную переписку первоначальнаго текста въ Сказаніи.

Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая. (Т. наз. *Задонщина*). Оно найдено въ одномъ старинномъ сборникѣ Ундольскимъ и издано съ предисловіемъ Бѣляева во Временникѣ того же Общества Исторіи и Древ. кн. XIV. М. 1852. . (Кромѣ того издано Срезневскимъ въ Извѣст. 2-го Отд. Акад. Наукъ. Т. VI вып. V. и архим. Варлаамомъ въ Учен. Зап. того же Отд. V.). Это Слово не заключаетъ собственно никакихъ подробностей о походѣ и самой битвѣ; оно представляетъ нѣсколько поэтическихъ картинъ, явно составленныхъ по образцу Слова о Полку Игоревѣ. Напримѣръ, плачъ Евдокіи и боярскихъ женъ на Москвѣ есть подражаніе плачу Ярославны въ Путивлѣ; а изображеніе Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича во время битвы напоминаетъ Игоря и его брата Буйтура Всеволода. Неизвѣстный авторъ Слова въ началѣ своемъ прямо ссылается на Софонія Рязанца, у котораго онъ повидимому и заимствовалъ содержаніе своего произведенія.

Что Софоній Рязанецъ дѣйствительно существовалъ и въ древней Руси считался авторомъ Сказанія о Донскомъ побоищѣ, на это есть третье свидѣтельство, именно въ Тверской лѣтописи, гдѣ онъ названъ «брянскимъ бояриномъ.»

Тамъ впрочемъ приведенъ только небольшой отрывокъ изъ его «писанія на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу».

Кромѣ помянутыхъ источниковъ имѣемъ еще «Слово о житіи и преставленіи Димитрія Ивановича, *царя Русскаго*». (Издано въ П. С. Р. Лѣт. IV и VI и въ Историч. Сбор. Общества И. и Др. III.). Въ этомъ Словѣ помѣщено краткое описаніе войны Димитрія съ Мамаемъ, очевидно основанное на тѣхъ же источникахъ.

Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что такое великое событіе какъ Донской походъ Димитрія Ивановича имѣлъ своего современнаго пѣвца или сказателя — панегириста, подобно многимъ другихъ важнымъ событіямъ древней Руси. Обычай сочинять похвальное слово или пѣснь въ честь князей тотчасъ послѣ совершенія ими какого либо подвига—этотъ обычай идетъ на Руси изъ глубокой древности. Дѣйствительно вскорѣ послѣ самого похода сочинена была похвальная повѣсть о немъ, въ честь Димитрія Ивановича и двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, и притомъ сочинена не только грамотнымъ, но и начитаннымъ авторомъ, котораго наши источники называютъ Софоніемъ Рязанцемъ. Сочиненіе это въ числѣ своихъ образцовъ имѣло поэтическое Слово о Полку Игоревѣ, и вообще исполнено риторическихъ украшеній. Авторъ его едвали былъ бояриномъ: скорѣе это сочиненіе духовнаго лица. Похвальная повѣсть Софонія не дошла до насъ въ цѣломъ и настоящемъ своемъ видѣ. Но она послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ помянутыхъ выше Сказаній и Словъ. Ею воспользовался и тотъ лѣтописный разсказъ, который вошелъ въ своды Новогородскій, Софійскій и Воскресенскій. Ею вдохновился и изъ нея заимствовалъ свои картины авторъ Слова о Задонщинѣ. Наконецъ таже самая повѣсть является въ Никоновскомъ сводѣ, и въ указанномъ выше «Повѣданіи о Побоищѣ», но только съ большими передѣлками, пропусками и вставками. Расказъ Никоновскаго свода по языку болѣе примѣненъ къ лѣтописному повѣст-

вованію, а Повѣданія несомнѣнно сохранило по большей части и самый языкъ Софоніева «писанія», реторическій или украшенный. Сказаніе Софонія очевидно получило большое распространеніе въ древней Руси, и часто списывалось. Но позднѣйшіе списатели или переписчики много его искажали или по невѣжеству и недосмотру, или намѣренными передѣлками. Каждой области лестно было заявить о своемъ участіи въ великой Куликовской битвѣ. И вотъ явились, напримѣръ, списки Сказанія съ длинной вставкой объ участіи Новогородцевъ въ походѣ Димитрія, хотя это совершенная басня. Тверскіе списатели вставили участіе въ походѣ Тверичей съ племянникомъ своего великаго князя Михаила Александровича, хотя это тоже сомнительно. Присутствіе митрополита Кипріана въ Москвѣ во время событія есть также позднѣйшая вставка. Можетъ быть, имя его послѣ поставили на мѣсто того епископа, который занималъ въ эту минуту главное мѣсто въ московскомъ духовенствѣ (едва ли не Герасимъ Коломенскій). Точно также если не всѣ, то нѣкоторыя благочестивыя легенды, приводимыя особенно Никоновской лѣтописью, вѣроятно сложились или умножились уже въ послѣдствіи, на основаніи какихъ либо краткихъ намековъ первоначальной Повѣсти.

Что первоначальная повѣсть была написана вскорѣ послѣ событія и притомъ лицомъ, если и не участвовавшимъ въ походѣ, то по крайней мѣрѣ получившемъ вѣрныя свѣдѣнія отъ участниковъ и очевидцевъ, на это существуютъ прямыя указанія въ Повѣданіи и лѣтописныхъ сказаніяхъ. Напримѣръ, имена убитыхъ князей и воеводъ повторяются вездѣ почти одинаковыя и почти въ одномъ порядкѣ (т. е. исключая явныя описки) не только во всѣхъ спискахъ Повѣданія и въ Никоновскомъ сводѣ, но и въ другихъ указанныхъ нами лѣтописныхъ сводахъ. Имена десяти гостей-сурожанъ повторяются одинаково и въ Повѣданіи, и въ Никоновской лѣтописи; тоже можно сказать и относительно именъ высылавшихся впередъ развѣдчиковъ. Дѣти Димит-

рія упоминаются только тѣ, которыя были у него во времена похода. Такія точныя данныя могли быть записаны только современникомъ *).

При своемъ изложеніи я старался принимать въ соображеніе совокупность извѣстій; а въ случаѣ ихъ взаимныхъ противорѣчій, выбиралъ наиболѣе достовѣрныя. Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ и особенно во время битвы. Затѣмъ очеркъ самой битвы во всѣхъ извѣстныхъ намъ редакціяхъ сказанія представляетъ замѣчательную темноту и полное отсутствіе подробностей. Сказанія эти, столь переполненныя благочестивыми размышленіями, посланіями и бесѣдами главныхъ лицъ, легендарными видѣніями и знаменіями, вообще очень бѣдны фактической стороной; что, по моему мнѣнію, и обличаетъ въ авторѣ первоначальной Повѣсти

---

*) Кромѣ приведенныхъ указаній на Снегирева, Бѣляева и Срезневскаго, см. разнообразныя мнѣнія о Софоніѣ, Сказаніяхъ и ихъ редакціяхъ Карамзина (къ Т. V. прим. 65), Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834), Шевырева (Исторія Рус. Слов.), Соловьева (Ист. Рос. IV. гл. 3). Преосв. Филарета (Обзоръ Духов. Лит.), Бестужева Рюмина (Рус. Ист. Введеніе 40.) и Хрущова — „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву (Труды Третьяго Археологич. Съѣзда." II).

Изъ отдѣльныхъ монографій о Куликовской битвѣ упомяну: Савельева—Ростиславича („Димитрій Донской первоначальникъ Русской славы." М. 1837), Афремова („Куликово поле". М. 1849) и Костомарова (въ Академич. Мѣсяцесловѣ на 1864 годъ). Довольно обширное изложеніе этого событія въ Кіевскомъ Синопсисѣ (К. 1768 г.) есть тоже Сказаніе или Повѣданіе, только передѣланное на литературную повѣсть XVII вѣка. Тоже можно замѣтить объ изложеніи его въ Исторіи Полеваго. Брошюрка Макарова („Село Монастырщина и Поле Куликово". М. 1826) заключаетъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній о сельской Монастырщинской церкви Рождества Богородицы, основанной, какъ полагаютъ, на мѣстѣ погребенія русскихъ воиновъ. Но онъ сообщаетъ мало топографическихъ данныхъ о самомъ Куликовомъ полѣ.

о Мамаевомъ побоищѣ во первыхъ духовное лицо, а во вторыхъ не самоличнаго участника и очевидца битвы (хотя бы и современника ея).

По указаннымъ источникамъ о самой битвѣ (за исключеніемъ начала сѣчи) извѣстны только два момента: пораженіе русскаго войска и побѣдоносный ударъ засаднаго полка. По тѣмъ же источникамъ битва длилась не менѣе трехъ часовъ. Сколько же должно было совершиться разныхъ оборотовъ дѣла, различныхъ движеній и усилій съ той и другой стороны въ теченіе этихъ трехъ часовъ! Едва ли дѣло было такъ просто, что вся масса Русской рати одновременно обратилась въ бѣгство, а затѣмъ явился одинъ засадный полкъ и мгновенно перевернулъ все въ обратную сторону? Отчего же татарскіе наѣздники, вопреки своему обыкновенію, не обошли Русскихъ и не замѣтили ранѣе засаднаго полка, или почему же Татары не имѣли никакого резерва? Татарскіе темники и самъ Мамай были люди много воевавшіе и опытные въ ратномъ дѣлѣ.

Но конечно въ дѣйствительности битва была не такъ несложна, чтобы заключать только два момента, рѣзко противуположные другъ другу. Несомнѣнно, что съ обѣихъ сторонъ было выказано все имѣющееся на лицо военное искусство и употреблены въ дѣло всѣ извѣстные тогда пріемы и всѣ наличныя средства. Татары несомнѣнно превосходили насъ числомъ; но это всетаки не было такое подавляющее превосходство, которое могло разомъ одолѣть всю русскую рать. Не даромъ же Мамай медлилъ и все ждалъ на помощь Ягайла. По сказаніямъ даже выходитъ, что только вслѣдствіе противнаго вѣтра Волынецъ Боброкъ долго удерживалъ засадный полкъ отъ помощи своимъ, уже погибавшимъ. Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ своевременная помощь можетъ зависѣть отъ вѣтра!

Я полагаю, что, если и болѣе подробныя сказанія почти всю битву сосредоточиваютъ около засаднаго полка, и не говорятъ о другихъ частяхъ, то причиною тому, во первыхъ, дѣйствительно важная роль, которая пришлась

на долю этого полка. Во вторыхъ, сама первоначальная повѣсть Софонія Рязанца имѣла своею задачею собственно похвалу Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу. Поэтому, восхваливъ подвиги Димитрія, лично сражавшагося съ непріятелемъ, она почти прямо переходитъ къ засадному полку Владиміра Андреевича, рѣшившаго побѣду; а дѣйствія иныхъ полковъ, иныхъ воеводъ оставляетъ совершенно въ тѣни. Но къ счастію сохранились нѣкоторыя другія свѣдѣнія о ходѣ Куликовской битвы, именно въ Исторіи Татищева (IV. 280—281). Сколько намъ извѣстно, доселѣ историками не было обращаемо должное вниманіе на эти свѣдѣнія, при описаніи Куликовскаго боя. А между тѣмъ, не смотря на свою краткость, онѣ удовлетворительно объясняютъ намъ ходъ битвы, во второй ея половинѣ, и даютъ настоящее мѣсто дѣйствію засаднаго полка. Ими я воспользовался при своей попыткѣ очертить взаимное положеніе ратей и постепенный ходъ боя, а также указать, кто въ Русскомъ войскѣ начальствовалъ середнею и передовою ратью, правымъ и лѣвымъ крыломъ. Съ достовѣрностью можно полагать, что послѣднимъ, т. е. лѣвымъ крыломъ, начальствовали именно князья Бѣлозерскіе и что въ предпослѣдній моментъ боя усилія Татаръ устремились именно на это крыло. Потому то тутъ и было самое большое число убитыхъ (въ томъ числѣ и всѣ князья Бѣлозерскіе). Послѣ передовой рати, неудачѣ подверглось только лѣвое крыло; а не все войско бѣжало, какъ обыкновенно изображается. Въ связи съ этимъ моментомъ боя находится вопросъ, гдѣ былъ помѣщенъ засадный полкъ: за правымъ или лѣвымъ крыломъ?

Сказанія не отвѣчаютъ прямо на этотъ вопросъ. Онѣ говорятъ только, что великій князь отпустилъ брата своего Владиміра *вверхъ по Дону*, въ дуброву. Но тутъ явная ошибка: надобно читать «внизъ», а не «вверхъ» по Дону; ибо, принимая исходнымъ пунктомъ нашей переправы и расположенія за Дономъ устье Непрядвы, верхъ Дона

приходится на другой сторонѣ Непрядвы, гдѣ не было сраженія. По раскаэу же Татищева выходитъ, что засадный полкъ ударилъ въ тылъ и бокъ Татарамъ, когда они погнали передъ собою лѣвый полкъ и поравнялись съ дубровою. Слѣдовательно засадный полкъ стоялъ за лѣвой рукой. Если отъ извѣстій Татищева мы обратимся къ обозрѣнію самого Куликова поля и его окрестностей, то убѣдимся, что нигдѣ въ иномъ пунктѣ онъ и не могъ быть поставленъ, какъ на лѣвой сторонѣ, надъ лѣсистымъ оврагомъ рѣчки Смолки, который мѣшалъ Татарской конницѣ охватить Русское крыло съ этой стороны и заранѣе открыть присутствіе засаднаго полка. Въ помѣщеніи послѣдняго видна замѣчательная предусмотрительность Димитрія и его совѣтниковъ. Этотъ полкъ былъ поставленъ такъ умно, что въ одно время служилъ и резервомъ, и прикрытіемъ какъ обоза, такъ и единственнаго пути отступленія вмѣстѣ съ наведенными на Дону мостами *).

Затѣмъ, по извѣстію того же Татищева, когда Русская рать, подкрѣпленная засаднымъ полкомъ, сбила и погнала Татаръ, то Мамай также ввелъ въ дѣло подкрѣпленія (конечно послѣднія); Татары около своихъ таборовъ остановились и возобновили сраженіе; но тутъ были уже окончательно разбиты. Такой ходъ дѣла очень вѣроятенъ и ничему не противорѣчитъ.

Такъ какъ Татищевъ пользовался и тѣми списками лѣтописей, которые до насъ не дошли, то очень возможно, что относительно Куликовской битвы онъ, кромѣ помяну-

*) Авторъ „Историческаго обозрѣнія Тульской губерніи", Афремовъ въ своемъ планѣ Куликовской битвы (приложенномъ къ помянутому его сочиненію „Куликово поле"), по нашему мнѣнію приблизительно вѣрно обозначилъ мѣсто засаднаго полка. Князь же Голицинъ въ своемъ спеціально военномъ сочиненіи („Русская военная исторія". Часть 1-я. Спб. 1877) и въ приложенномъ къ нему планѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи, помѣщаетъ засадный полкъ за правымъ крыломъ, на берегу Непрядвы, куда Татарамъ стремиться не было и большаго расчета.

тыхъ сказаній, имѣлъ подъ руками и еще источникъ, который остался намъ неизвѣстенъ.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о поведеніи Димитрія Ивановича Московскаго въ день битвы. Павшій въ его одеждѣ бояринъ Бренкъ и вѣтви срубленнаго дерева, подъ которыми нашли великаго князя, нисколько не могутъ уменьшить славу его личнаго геройства въ этотъ день.

Возлагая свою одежду на любимца, Димитрій никоимъ образомъ не могъ предвидѣть всѣ случайности предстоявшаго боя, предвидѣть, что боярина непремѣнно убьютъ вмѣсто него самого. Если бы Димитрій остался на своемъ мѣстѣ, то и отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ непремѣнно убитъ. Очень можетъ быть, что самое замѣшательство, временно случившееся въ большомъ полку, произошло именно вслѣдствіе того, что Димитрія не было на великокняжескомъ мѣстѣ, а Бренкъ не могъ вполнѣ его замѣнить. Никто не ставитъ въ упрекъ прадѣду Фридриха II, великому курфирсту Бранденбургскому, то обстоятельство, что онъ во время Фербеллинскаго сраженія, 1675 года, въ виду направленныхъ на него выстрѣловъ, помѣнялся своимъ бѣлымъ конемъ съ шталмейстеромъ; послѣ чего тотъ дѣйствительно былъ убитъ. Если бы великій князь искалъ безопасности, то онъ не поѣхалъ бы въ передніе ряды, что бы самому рубиться съ непріятелемъ; а на оборотъ помѣстился бы за войскомъ, какъ совѣтовали ему бояре и какъ поступилъ его противникъ Мамай. Или онъ могъ бы остаться при засадномъ полку, который хотя и покрылся наибольшею славою, но пострадалъ менѣе всѣхъ прочихъ частей войска.

Нѣтъ сомнѣнія, что Димитрій какъ еще молодой человѣкъ, исполненный силъ и энергіи, увлекся въ Куликовской битвѣ личною отвагою, и дѣйствительно подвергъ себя такимъ опасностямъ, посреди которыхъ уцѣлѣлъ почти чудеснымъ образомъ. Если до изнеможенія утомленный битвою (незабудемъ о его тучности), лишившійся коня, окруженный врагами, отрѣзанный во время свалки отъ всякой помощи,

онъ съумѣлъ еще добраться до закрытія и спастись, то это опять таки свидѣтельствуетъ о его энергіи и находчивости. Надобно замѣтить, что тогда средствомъ спасенія въ случаѣ ранъ и крайней опасности во время боя употреблялся повидимому такой способъ: упасть среди труповъ и пролежать до минованія опасности. И этотъ способъ несчитался унизительнымъ для храбрецовъ. Примѣръ тому представляетъ князь Стефанъ Новосильскій. Когда Владиміръ Андреевичъ распрашивалъ, кто видѣлъ въ бою великаго князя, то Новосильскій, не безъ нѣкотораго хвастовства, сообщилъ, что видѣлъ, какъ Димитрія обступили четыре Татарина; что онъ (Новосильскій) напалъ на этихъ Татаръ и троихъ убилъ, а четвертый убѣжалъ; когда же онъ погнался за этымъ четвертымъ, то на него самого напали другіе Татары и нанесли многія раны; а затѣмъ онъ спасся тѣмъ, что остальное время битвы пролежалъ между трупами. („Повѣданіе". Истор. Сбор. III. 62). Димитрій однако не прибѣгъ къ этому именно способу.

Источники согласно свидѣтельствуютъ, что великій князь былъ осыпанъ ударами по головѣ, плечамъ и животу, и что доспѣхи его были всѣ изсѣчены. Если же на тѣлѣ его не оказалось глубокихъ ранъ, то этимъ онъ конечно былъ обязанъ превосходному качеству своей брони и своего шлема. Припомнимъ, что нѣчто подобное случилось съ французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ, въ сраженіи при Бовинѣ 1214 года. И въ Русскихъ лѣтописяхъ находимъ другой подобный примѣръ. Въ 1317 году тверской князь Михалъ Ярославичъ сразился съ Юріемъ Московскимъ и татарскимъ воеводою Кавгадыемъ, и побѣдилъ ихъ. «Самому же князю Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь язвенъ, на тѣлѣ же не бысть никоея раны.» (П. С. Р. Лит. V. 209. VII. 190).

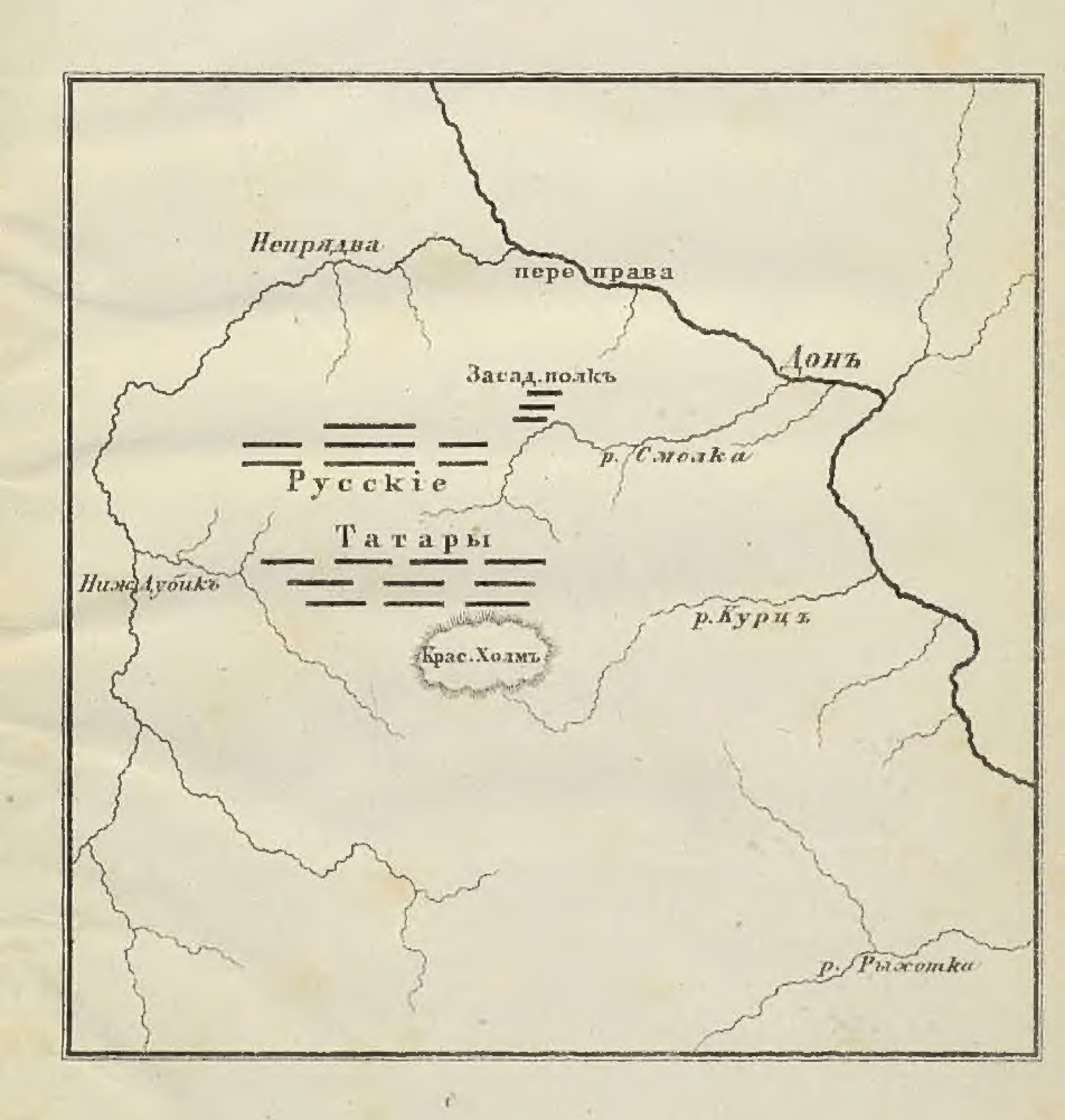
Если Димитрій Ивановичъ въ данномъ случаѣ заслуживаетъ легкаго упрека, то именно за его излишнюю отвагу и увлеченіе воинскимъ пыломъ. Но на это можно отвѣчать тѣмъ, что побѣдителя несудятъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

и

положеніе ратей передъ битвою.

Литогр. Е. Бахманъ, въ Москвѣ.

2007096073